

СМЕНА

1961

«ЗДРАВНЯ ЖЕЛАЮ, ПАПА!»
Фотограф М. Муразова.

В ЭТОМ НОМЕРЕ

«...Молча дрались бойцы, и даже смертельно раненные падали на землю, не выпуская из своих цепких рук горло врага. Но сплещком неравными были силы. Перебраться через Буг удалось только девяти бойцам. В их числе был и Петья Клыпа...». Эти строки взяты из очерка «Сын бессмертного гарнизона», опубликованного на стр. 14.

Французская журналистка Мадлен Риффо недавно побывала в Алжире. Ее впечатления от «Зоны смерти» мы сегодня предлагаем вашему вниманию.

О комсомольцах крупнейшей сибирской стройки, об их радостях и огорчениях, удачах и срывах рассказывают в этом номере Г. Емельянов и Г. Немченко.

«Танцы народов мира»... Так называется программа, с которой выступает Махмуд Эсамбаев. С искусством этого молодого артиста вы познакомитесь на стр. 16.

Первая страница обложки: Опыточные учения, и ледовая лодка стала у пирса как надежный часовой мира.

Фото Н. Верничука.

Четвертая страница обложки: Самый острый момент матча: советский хоккеист один на один с канадским вратарем!

Фото А. Бурдукова.

В ЭТОМ НОМЕРЕ

Пролетарии всех стран, соединитесь!

СМЕНА

Литературно-художественный
и общественно-политический журнал
Центрального Комитета ВЛКСМ

3 ФЕВРАЛЬ 1961

М А Я К И

Сейчас, в дни всенародного обсуждения исторических документов январского Пленума ЦК КПСС, часто, очень часто и повсеместно произносится слово «мяки». Поистине оно стало крылатым. Напомнил нам его Никита Сергеевич Хрущев в своей речи на Пленуме. «Передовики сельскохозяйственного производства это, товарищи, наши мяки, указывающие путь к образцовому ведению сельского хозяйства, к высшей производительности. Посмотрите, каких замечательных результатов достигли они в самых различных отраслях сельского хозяйства и в самых разных зонах страны».

Дела и судьбы многих передовых труженников села оказались в центре внимания участников Пленума и всех советских людей. Об одних, правда, мы слышали и раньше, о других вообще мало кто знал, а теперь заговорили, да и как заинтересовано, горючо. И что самое примечательное, так это подлинная человеческая теплота в отношении к ним лично, а не только к их делу, какая-то особенная, дружеская, сердечная близость к ним: говорят ведь о судьбах человеческих, неразрывно связанных с судьбами дел, которые они вершат. Человек и его организующая воля, творческий его облик, утверждение власти человека над природой — вот, собственно, главное, о чем говорили и на Пленуме, и сейчас, когда в каждом уголке страны обсуждают указанные партийной пути к дальнейшему подъему сельского хозяйства.

Все лучше живет советский человек. Посудите рабочему и служащему перешли на сокращенный рабочий день. В городах и рабочих поселках они получили с начала семилетки 4 миллиона 600 тысяч квартир, в сельской местности построено более 1 миллиона 400 тысяч жилых домов. Каждый из нас ощущает на себе заботу партии и правительства об удовлетворении наших все возрастающих культурных и бытовых запросов. В результате роста производства и государственных закупок продуктов земледелия и животноводства в 1960 году продано населению больше, чем в 1959 году, мяса и мясopодуктов на 13 процентов, овощей на 8 процентов.

Но растут не только производство — растут и потребности. Больше изменения произошли у

нас в жизни людей и всей страны за последние годы. Быстро увеличивается население, растут доходы трудящихся, а следовательно, из года в год повышается и спрос на продукты питания. Пленум отметил, что за пять лет (1956—1960 годы) общая численность населения в Советском Союзе возросла более чем на 18 миллионов человек, что за этот же период фонд заработной платы вырос на 17,1 миллиарда рублей, налоги снизились на 870 миллионов рублей, а в результате отмены подлиски на заем у трудящихся ежегодно остается 2,2 миллиарда рублей. В общей сумме денежные доходы населения увеличились в расчете на год на 24,2 миллиарда рублей в новых деньгах. В этих условиях, естественно, значительно увеличился спрос на продовольственные товары, в первую очередь на мясо, молоко, масло. И несмотря на то, что наша страна никогда еще не знала таких темпов роста сельского хозяйства, как после сентябрьского Пленума ЦК КПСС 1953 года, эти темпы все же оказались недостаточными.

Нет возможности в этих строках привести цифры, характеризующие создавшееся положение, — с глубочайшей тщательностью и точностью они даны в постановлении Пленума, — но необходимо взять новые темпы развития сельского хозяйства сейчас очевидная каждому. У нас человек зависит только от нас, соотечественников, больше ни от кого.

И вот тут каждому из нас надо основательно поразмыслить о своем месте в общем рабочем строю. А это место помогают нам найти люди-мяки: смотрите на них, равняйтесь на них, идите к ним и с ними вместе вперед!

Держа путь на передний край борьбы, комсомольским комитетам, очевидно, еще не раз придется столкнуться с теми, кто мешал нам набирать высокие темпы: с очковирателями, бездельниками, прикрывающими свое тушеводство туманной завесой ложных обещаний и дутых показателей. И плох тот комсомолец, который молчит, сталкиваясь с такими людьми. Пленум сказал о них ясно, точно и сурово: «Это не политические организаторы, а карьеристы, примазавшиеся к партии людей, они позорят партию, их надо исключить из партии и предавать суду. Нужно объявить ре-

шительную борьбу против подобных явлений, воспитывать кадры в духе честности и правдивости перед партией и народом, в духе высокой ответственности за порученное дело».

Улекательны сложные и многообразные хозяйственные, организационные, технические проблемы, возникающие в наши дни в процессе социалистического переустройства нашей деревни, но еще увлекательней чудесный процесс воспитания нового человека, смелого, мудро и по-новаторски решающего жизненно важные проблемы. И надо сказать, когда вновь и вновь перечитываешь речь Никиты Сергеевича Хрущева на январском Пленуме, перед взором с особой силой и яркостью возникает прежде всего величественный облик советского человека, неутомимо и талантливо преобразующего его самою жизнью».

Ярослав Чиж, Степан Фак, Турсунай Ахунва, Александр Гиталов, Николай Мануйлович... Эти и другие имена, прозвучавшие на декабрьском Пленуме ЦК КПСС 1959 года, вновь и с особой силой прозвучали теперь на январском Пленуме — имена стойких, умных и смелых, проверенных в боях за изобилие лучших друзей!

«Повторю, это наши мяки», — сказал в своей речи Никита Сергеевич Хрущев. — Мы эти мяки во всех отраслях сельского хозяйства имеем. Давайте возьмем ориентацию на эти мяки, возьмем правильный курс. Но болтать, не ограничиваясь общим призывами: товарищи, делайте такто, будьте сознательными и т. д. А надо самим знать методы работы передовиков, надо самим учиться у этих передовых людей, и не только учиться и призывать других следовать примеру передовиков, но организационно помогать людям стать на ноги, правильно организовать производство. Тогда мы можем быстрее двигаться вперед».

Никита Сергеевич привел убедительный пример, как важно вовремя поддержать людей. Передовые трактористы Одесской области нашли путь повышения производительности тракторов. Они стали работать на повышенных скоростях. Парк тракторов остался тот же, а производительность намного возросла. «От кого это зависит? — спрашивал Никита Сергеевич. — От машин? Нет. Это за-

висит от людей. Мы должны их обучать, воспитывать, учиться на их опыте, делать его достоянием всех».

В дни Пленума с одним фоторепортером произошел такой случай. Получил он задание сделать групповой портрет гостей Пленума — знатных хозяев. Тема задания была сформулирована так: «Чиж и чижата». Снимок он сделал и опубликовал в одной из газет. А вот подпись: «Чиж и чижата» не повиделись: многие «чижата» определили своего вожака, откармливают свиней больше, чем он, хотя и он, как известно, только по фамилии Чиж, а по полету — орденов. Значительная этого движения явилась на творческие поиски сотни и тысячи своих товарищей по профессии, и они сами теперь мяки, по которым держат равнение остальные свиноводы. Часть я хвала значительности этого дела Ярослав Чиж и умелым, заботливым руководителем, которые организационно помогли новым передовикам стать на ноги! И таких людей, твердо ставших на ноги и уверенно шагающих вперед, с каждым днем будет у нас все больше и больше в любой отрасли сельского хозяйства, в любой отрасли нашего социалистического производства. К этому призывает партия, об этом же говорило и на недавнем Пленуме ЦК ВЛКСМ.

Созыв очередного XXII съезда Коммунистической партии Советского Союза назначен на октябрь 1961 года. Этот съезд поведет итоги огромной работы партии и народа по претворению в жизнь исторических решений XX и XXI съездов КПСС, утвердит новую Программу КПСС, которая вооружит нашу партию и советский народ в великой борьбе за построение коммунистического общества. Нет сомнения, что, успешно реализуя указания январского Пленума ЦК КПСС, наместо молодежи, комсомольцы вместе со всем советским народом достойно встретят XXII съезд нашей Коммунистической партии, уверенно и мудро прокладываящую нам путь в заветное будущее».

И люди-мяки помогают нам найти кратчайшие и верные пути к заветному. Они наши разведчики, источники изобилия и счастья. На них держит равнение молодежь.

А. ВЕЛИЧКО

ЕЩЕ НЕСКОЛЬКО ШТРИХОВ — И ПРОЕКТ БУДЕТ ГОТОВ. У КУЛЬМАНА КОНСТРУКТОРЫ ВАЛЕНТИНА КАРТАШОВА И АНАТОЛИЙ ДЛАКИН.

На заводе уже и не помнит, кому первому пришла эта замечательная идея. Очевидно, все-таки об этом думали многие, потому что весь молодежный коллектив как-то сразу загорелся новым делом.

А началось все так. Собрались молодые конструкторы Красноярского механического завода и решили: надо основательно, эффективно помогать своим подшефным колхозам.

Чем помочь? Скорее всего своими знаниями, умениями конструировать сложные узлы и механизмы.

Выехали в окрестные колхозы. Комсомольцев встретили радостно и... несколько удивленно: не было раньше такого. Показали гостям хо-

зяйство. Назвали все трудоемкие маломеханизированные работы. Авторучки конструкторов забегали по блонотам. Список тем, требующих разработки, рос.

А вскоре занятила работа. Сколько вечеров, сколько солнечных воскресений, машинных кончадан и семейных пыжики. Галя Зуева и Валд Карташова просидели у кульманов! Зато колхозы получили вот эти четырнадцать баков. Баков, что, казалось бы, может быть проще! Но эти четырнадцать — совсем другое дело.

Внесение удобрений на поле — очень трудоемкое дело. Двадцать человек, разбрасывая удобрения по полю от зари и до зари, едва успевают удобрить за день шесть-семь гектаров. Красноярские комсомольцы пообещали колхозникам сделать приспособление, которое будет обслуживать всего один человек — тракторист. Для этого на трактор устанавливаются два бака, наполненных змичанной водой, каждый в тонну весом. Из бачков по трубам удобрения вымываются на поле. Но как сделать все это сооружение компактным и недорогим? Над этим вопросом и бились Карташова и Зуева. И решение было найдено, простое и остроумное.

Не так давно на заводском дворе вдруг появилась громадная машина не совсем полнотного назначения. И машине подвели сено, и она, сорядто заурав, взметнула вверх огромный ворох сена. Кто-то сказал: — А вот и стогометель!

«Стогаметель» назвали Тольа Лаваненд, который и был конструктором, модернизированной машины. Он долго прислушивался к ропот машинных внутренностей. Потом убедился в порядке. Через пару дней стогометель был передан колхозу имени Тимирязева. Машина заменила три семнадцати человек!

Когда распределили темы конструкторских работ, Валентин Кабанцов сказал:

— Давайте установим автоматический контроль за уровнем воды в водонапорной башне.

Дело в том, что, приезжая в деревню, Валентин не раз видел эти башни, увешанные гроздьими сосулек или утопающие в грязи. Придет, скажем, дождя, включит рубильник, а выключить забудет. И льется себе вода через ирай. Требуется умный, пунктуальный автомат, который сможет сам следить за уровнем воды. И вот через несколько месяцев заводские комсомольцы во главе с Кабанцовым установили в колхозе новороненный автомат.

Борис Манаренко, заместитель секретаря заводского комитета, может назвать много любознательных цифр. Например, только за один год комсомольцы Красноярского механического выполнили проекты по одиннадцати механизмам по проектам были сделаны бесплатно, в нерабочее время.

В дни работы явского пленума ЦК КПСС конструкторы несколько раз выезжали в подшефные колхозы: время подсказывало новые задачи.

Сейчас в связи с предстоящим XXII съездом партии и красногорцев особенно горячие дни. Они решили в этом году сконструировать и изготовить для подшефных колхозов механизмы и приспособления не меньше чем на пятнадцать тысяч рублей.

Почти красногорцев уже подкавали комсомольцы Паванисского механического завода. Научно-исследовательского института механизации, энергетик лесного хозяйства и многие другие. Благодарное внимание молодежи Красноярского механического завода не только свидетельствует о возрастающей связи между городом и деревней. Это — коммунистического отношение молодежи и труда, и своему комсомольскому долгу.

Л. ОРЛОВА

Фото В. Мещеряков

В ДНИ РАБОТЫ ЯВЯСКОГО ПЛЕНУМА ЦК КПСС КОМСОМОЛЬЦЫ-КОНСТРУКТОРЫ ПОБЫВАЛИ В КОЛХОЗЕ «ЛЕНИНСКИЙ ЛУЧ». СПЕВА НАПРАВО: АЛИК ХАЛИДОВ, БОРИС МАНАРЕНКО, ПЕТР КОЙСЕВИЧ КАБАНЦОВ (КОМКОМБЕТ ГРУППЫ), АНАТОЛИЙ ДЛАКИН И ПРЕДСЕДАТЕЛЬ КОЛХОЗА ТИХОН СЕРГЕЕВИЧ ПРЯХИН.

ЭЛЕКТРИК ЗАВОДА ВЛАДИМИР КОМЕЛЬ УСТАНОВЛИВАЕТ НА ВОДОНАПОРНОЙ БАШНЕ АВТОМАТ, СПОНСТРУИРОВАННЫЙ ВАЛЕНТИНОМ КАБАНЦОВЫМ.

МЕХАНИКА В КОЛХОЗ...

ТЕБЕ, ЛЮБОВЬ МОЯ И СИЛА, ТВОИМ ЗНАМЕНАМ И ПОЛКАМ!

Анатолий ЗАЯЦ

Тебе,
Любовь моя и сила,
Твоим знаменам и полкам,
Тебе, с кем юность разделала
Судьбу и славу пополам,
Тебе я стих сложить мечтаю,
Такую неслю спеть горю,
Как медь гортанная, дитая
Трубы,
Играющей Зарю...

Идем, страна, в твои рассветы,
Над нами свящут соловьи.
Мы все — романтики, поэты,
И все — заигтники твои.

И все звончей звенит о каски
Твой дождь
И каждый твой цветок.
А за спиной
Урал и Каспий,
Чита, Чимкент, Владивосток,
Твои поля, заводы, рощи,
Гусиный клеток в ивынке
И летушный алым росчерк
На дымотканом рушнике.

Нам только б вечно чувство это:
В глазах — простор,
Древо — в руке,
И все при нас —
От пистолета
До книжки Блока
в вещешке.

Быть может, кто-то станет возражать
И упрекать: мол, от тебя не ждали,
Ну как же так, слезы не смог сдержать,
Когда тебя в солдаты провожали...

Нет, не печаль по милой стороне,
Нет, не тоска мое сдвинул горло —
Заговорила в этот день во мне,
Как горня зов, моя сыновья гордость.

Я это понял, собственно, не сразу
И точно знаю, что это такое:
Бывает миг, когда захватит дух
Короткая тревога перед боем.

Бывает миг, что острых чувств прилив
Перед походом близким так незаметно,
Что немо плачут кони, оцуют
Степных дорог хмельной ковыльный запах.

Земля, земля, —
Она тебе навеки
Верна, солдат, и ты ей верен сердцем.
С высокой этой верой
Человек
Идет на смерть,
Земле неся бессмертье.

Уже ветра в ушах моих звенит
Атак учебных гудкой канонадой.
И лесни богатырские гремит
В землянке под бревенчатым накатом.

...Пусть Родина и юность извинят
За эти слезы на щеках солдата.

*Памяти Владимира Булаенко —
студента, солдата, поэта.*

Жара беспощадная, злая,
И слеза и сырва — пальба.
Над нами полнеба пылают,
В полнеба пылают хлеба.

И, поседев под свирадами,
Покинув семью и дом,
По облакам и по радугам
Мы на восток идем.

Руины,
Вокруг руины,
Руины у нас в груди.
У нас позади Украина,
Россия у нас впереди.

И вкнет небо, рыжее.
О небо мое, погоди.
Позади — тишина пораженный
И грохот побед — впереди.

Мы громко шепчем ночами:
Рассвет, погоди, погоди.
У нас
Двадцать лет за плечами
И двадцать веков
Впереди.

...И там, где могильные камни,
Где травы гудят, как леса,
Бессмертниками и васильками
Светятся наши глаза.

И там, где домы и шптрек,
Где нет дорогим коня,
Как поезда на стрелках,
Наши стучат сердца.

И там, где сады и заводы,
Где вившен пылают аромат,
Наши рожочут годы,
Песни наши гремят.

...Навстречу торжественным датам,
Покинув воследний рядут,
Солдаты, солдаты, солдаты,
Солдаты
В бессмертье иду.

МЛАДШИЙ СЕРЖАНТ

РАССКАЗ

Рисунки И. Михайлина.

Девять человек в нашем отрядении были самые обыкновенные новички. Мы завидовали сержантам: как ладно сидят на них шинели! И отгоразнее оттого, что нам выдали брезентовые ремни — то ли дело кожаные! Мечтали поскорее сфотографироваться в военной форме.

Дедом был Юрий Селыхов. Хотя в армию его призвали вместе со всеми, он не шел с нами ни в какое сравнение. Прежде всего он был старше любого из нас. До армии он успел окончить два курса авиационного института — никто в роте не имел столь высокого образования. О том, почему он ушел из института и какими судьбами попал в армию, Селыхов не распространялся, а отвечал небрежно и несложко загадочно:

— Бывало бывало...

У него был второй разряд по шахматам, третий по волейболу, а на гражданской куртке красовались два иностранных значка с непонятными надписями. Еще он умел играть на гитаре. Навевал он ветромиком голосом, причем не какую-нибудь «Поминиш, мама моя...», а джазовую песенку с красивыми иностранными словами, которую никто из нас никогда раньше не слышал.

Но главное, была в нем особая уверенность, уверенность человека, знающего себе цену человека. Эта уверенность делала его и старше и значительнее любого из нас.

Юрий Селыхов стоял в строю первым, на правом фланге, и поэтому командир, младший сержант Морозов, именно с него начал свое замкомство с отрядением. Наш сержант был совсем не похож на остальных командиров — невысокий, худенький, даже, пожалуй, пушлый на первый взгляд. Вероятно, он и сам не очень уверенно чувствовал себя в новой для него роли и поэтому старался вылезать в постройке. Но два курса института, конечно, не могли не произнести на него впечатление.

— С вами, — сказал он Селыхову, — сознательно, понятно, говорить не стоит. Надеюсь, вы станете моим помощником.

— Я тоже надеюсь, — ответил Селыхов и слегка наклонил голову. Ответ прозвучал слишком вежливо, и сержант нахмурился.

Мы радостно улыбались. Мы ждали, что еще скажет Юрий. Мы-то знали его немного лучше, чем сержант, ведь воров целых восемь суток трясся в одном вагоне.

Но ни он, ни Морозов больше ничего не сказали. Только пристально, словно оценивая, посмотрели друг на друга. Морозов — строго, Селыхов — с легкой усмешкой. И сержант пошла дальше вдоль строя. Он знакомился с нами, но все поглядывала в сторону Юрия.

На другой день с утра Морозов проводил с нами беседу о дисциплинарном уставе. Говорил он с увлечением.

И вдруг в глубине класса кто-то вдохнул и нетерпимо прокричал:

— В общем, ясно: у сильного всегда бессильный виноват...

Сержант резко поднялся:

— Кто это сказал?

— Это сказал Иван Андреевич Крылов, — медленно вставая и глядя прямо на сержанта невинными глазами, пояснил Юрий Селыхов, — и, между прочим, это происходит в непоной средней школе...

Мы замерли. Было понятно, на что он намекает.

Совсем по-детски обиженно дрогнули губы сержанта и тут же твердо сжались. Мы ждали вояка.

Но Морозов только вплотную подошел к Селыхову и сказал тихо, но раздало:

— Вот что, Селыхов. Чтобы вы не болали в следующий раз, сегодня вечером вымоете раздалуку и канцелярию. Ясно?

— Так точно. Ясно! — бодро ответил Селыхов.

Вечером мы уже лежали на койках, когда Юрий, высокий, гибкий, в нижней рубашке с закатанными рукавами, с ведром и тряпкой, прошествовала в канцелярию. Он поминуту нам и приветственно помахивал тряпкой. Он гордился тем, что первый наряд выпал на его долю: это сразу делало его бывалым солдатом по сравнению с нами.

Мы пол от долго. Когда дежурный по роте принял его работу, была уже глубокая ночь. Койка Юрия наверху, как раз над сержантской, и пока он забирался на свое место, койка качалась и скрипела. Сержант проснулся и посмотрел на Юрия.

— Товарищ сержант, — весело сказал Селыхов, — придется вам переже меня наказывать, а то каждый раз стану будить...

Морозов то ли не понял до сна, то ли не захотелся, что ответить. Он молча отвернулся и закрыл глаза.

Юрий рассказывала нам об этом на другой день в курилке, в перерыве между занятиями. Уж что-то, а рассказывать он умел. Мы покотывались со смеху, когда он изображал, как сержант взглянула на него сонными, растерянными глазами.

И тут в курилку вошла Морозов. Он махнула рукой, чтобы мы не вставали, и присел на край скамейки.

— Ну-ка, — сказал он, — может, и я попомню вместе с вами?

Но Юрий замолчала, и в курилке сразу стало тихо. Аппа у всех стало скучными. И пока не кончился перерыв, все молча курили, чувствуя себя неловко.

Так началась скрытая борьба между этими двумя людьми — Селыховым и Морозовым.

Юрий изменила тактику. Он вел себя образ-

цово. Он не нарушал устава, не вступала в пререкания, приказания Морозова выполняла с подчеркнутой старательностью, а слушала его с выражением самого напряженного внимания, словно боялся пропустить хотя бы слово. Но в то же время в глазах его постоянно слетались усмешки, и когда он лихо гаркал «так точно» или «никак нет», мы начинали корчиться от еле сдерживаемого смеха.

Он допмина Морозова вопросами. На занятиях по уставу гарнизонной и караульной службы он тянул руку и спрашивал.

— Товарищ сержант, вот мы всегда говорим, что человек в нашей стране — самое ценное. Так ведь?

— Так, — соглашался Морозов, и видно было, как весь он напрягается, чувствуя поддох и стараясь внутренне разгадать его.

— А в уставе сказано, что часовой не имеет права покинуть пост даже при угрозе неминуемой смерти. Что же, выходи, цистерны с бензином дороже человеческой жизни? Объясните, пожалуйста...

Сержант начинал объяснять. Объяснял старательно и только, но получалось так, что мы не слушали его, а поглядывали на Юрия, ожидая нового вопроса.

На дополнительных занятиях по политподготовке в танковой школе спрашивали:

— Товарищ сержант, вы не помните случайно, кто президент Эквадора? У меня что-то вышло из головы...

Он смотрел на Морозова своими невинными глазами, пока тот вообще выслушал все к следующему часу, а потом спохватывался:

— Минуточку... Кажется, вспомнил... — и называл длинную, замасловатую фамилию.

Все предметы давались Юрию легко, занимался отдаленно. Единственное, чего Юрий не любил, что его раздражало, — это бег. А бегать нам приходилось много. Бегали по утрам перед физзарядкой, бегали на уроках физкультуры, бегали на тактических занятиях.

— Объясните сейчас — самое главное, — говорил Морозов, — без выносливости в современной войне сразу конец.

— Какое-то лошадиное воспитание, — ворчал Селыхов, — вероятно, наш сержант по привычке помнит, что спянет нас от атомной бомбы, если научит бегать.

А однажды во время очередного утреннего марша-броска Юрий не выдержал и прямо на бегу, тяжело дыша, скороговоркой сказал сержанту:

— Товарищ сержант, давай бы отдохнул... Никто же не видит... И вам не надо бегать, и вам хорошо...

— Разговоры! — также на бегу сердито прикрикнул сержант. — Ой разве соскучился! Будет место Морозов удерживать постовой, ой бы, вероятно, быстро поставил Селыхова на место, но Морозов, видно, просто не знал, как это сделать. Обращаться же за помощью к командиру взвода или роты не позволяла гордость.

Конечно, он мог придираться к Селыхову по каждому пустячному поводу. В конце концов всегда можно найти недостаточно блестящую

пуговицу или морщинку на одежде. Он мог не заметить Селыхова каждый день. Но он не делал этого. Видно, он верил в силу убеждения и упорно надеялся воздействовать на сознательность Юрия. Он оставил Селыхова после обеда в Лодочной комнате и подполуду беседовал с ним. Юрий это забавляло больше всего. Он слушал с самым серьезным видом все, что говорил ему Морозов, время от времени даже переспрашивал, словно стараясь получить запись его слов, а на другой день в куражке, посмеиваясь, говорил больше всего.

— Ойяг о подвахтв рассказываа... Героя из меня точно сделать, не иначе...

Иногда по вечерам Морозов собирал нас всех и рассказывал об отделеении, в котором он служил в период войны солдатом. Это отделеение было лучшим в батальоне. Во всяком случае, никто не мог быстрее справиться по тревоге, никто не мог быстрее обнаружить выпрыгивающие в радиостанциях.

Рассказывая, сержант увлекался, даже руганье выстула на его шею. И мы тоже водушевлялись, нам тоже хотелось, чтобы наше отделеение было лучшим.

Но потом в куражке, когда мы оставались в Лодочной комнате полурезультатно, полуснисходительно:

— Начальства боится. Из крови лезет, чтобы на сверхурочности остаться. Да и понятно. Куда он без специальности со своими семью классами денется...

И наше водушевление исчезало. Нам становилось даже немного стыдно оттого, что мы могли так легко увлечься. И мы кивали головами, мы соглашались и рассуждали вместе с Селыховым: конечно, куда денешься с семью классами... Лето: лето по кошку.

Морозов теперь заходил в куражку редко. Он либо дышал саморукотью в стороне, либо уходил куда-нибудь с сабаченым видом. Он знал, что стоило ему появиться в куражке, как Юрий переставал рассказывать свои истории и наступала неловкая тишина.

Впрочем, сержант делал вид, что его вполне устраивают такие официальные отношения с отделеением. Но мы-то прекрасно видели, что это не так. Он просто не знал, как подойти к нам. И каждый вечер, когда рота уже засыпала, он брал «чубышек сержанта», толстую тетрадь и шел в канцелярию заниматься, готовиться к следующему дню. Может быть, в эти учебные он надеялся выйти ответ на свои вопросы.

Но однажды Морозов изменил себе. Он лет вместе с нами, сразу, как только скомандовали

отбой. Наверно, он протруслился накануне на тактических занятиях. Все ночь он тяжело дышал, ворочался, пил воду и подполуду надарино кашлял.

Утром, во время подполуды, торопило наматывать портянки, Юрий протропал:

— Давай сейчас жевем! Жувачес, маршброска не будет...

Но Морозов уже стоял возле дверей и прикрикивал:

— А ну потропирис! Потропирис! Остаюса выдавать сукуча! Десети!

И только глаза выдавали его состояние — уставые, воспаленные глаза большого человека.

На улице еще стояли предрассветные морозные сумерки, и жесткий, обжигающий ветер пел, надувая снежную пыль.

Сержант, чуть сутульнувшись, хмуро следил за тем, как мы стронились, как сжимис и приречем от ветра драг для друта.

— Бего-ом марш!

Мы побежали, на торописа, стараясь экономят силы. Обычно сержант в таких случаях всегда потропиривал нас, но сегодня он бежал тяжело, сосредоточенно глядя под ноги, словно отсчитывал каждый оставшийся позадн метр.

Грузно бужая солонгами, мы побежали мимо толпы освещенного здания бала, мимо повенского клуба, мимо яворы, аперед, к заснеженной уличной дорожке...

И тут Юрий несколько раз отгавнулся и неожиданно начал ускорять бег. Всегда он бежал с легкой, быстро уставая, и сержанту вечно приходилось подгонять его, а теперь он бежал все быстрее и быстрее. И все отделеение бежало за ним все быстрее и быстрее. И сержант тоже бежал все быстрее и быстрее.

И чем дальше в полусумрак уходила дорожка, тем шире и чаще становился шаг Юрия. Он отгавнулся еще раз — выражение его лица было торжествующим.

— Давай! — одними губами прошептал он нам.

И тогда мы слынем его шаан.

И сержант тоже погна. Он бежал по-прежнему рядом с нами, и было слышно, как тяжело, с хрипом вырывается воздух из его груди. Конечно, он мог подать команду «короче шаг», он мог попросту остановить нас, но он прекрасно понимал, что это было бы его поражение. И он продолжал бежать сосредоточенно, молча, словно ничего не случилось, словно все шло, как надо.

Дорога становилась все уже и уже, и теперь сержант приходилось тяжелее, чем нам; мы бежали по утопанной, твердой колее, а он —

ГОРОД ВОИНЫ И ГОРОД ГРУЗНИКОВ

Там, где совсем недавно спускались к Днепру рыжий явор, задымленный мусором и нечистотой, мы все, вероятно, быстро поставил Селыхова на место, но Морозов, видно, просто не знал, как это сделать. Обращаться же за помощью к командиру взвода или роты не позволяла гордость.

Конечно, он мог придираться к Селыхову по каждому пустячному поводу. В конце концов всегда можно найти недостаточно блестящую

Красного Знамени и Отечественной войны; с другой — бронзовый барельеф в честь Иркутиса, Варшава, Орл и Каховки — зтапы большого пути».

Стенной ветер поет в мантах высоковольтных электрорепарен: лугине и потонно ударе волн Каховского моря. Высокие волны бьют о гранит пирса, заливают ступени набережной. Белая пена долетает до свежих цветов у подножия высокого памятника. На его строгом гранитном пьедестале высечены слова: «М. В. Фрунзе от трудящихся Каховки. А чуть подалее, у молодого бульваря, — бюст А. С. Пушкина, также установленный гражданами Каховки. И кажется, что распахнутая шнель полководца заслонила поста от ветра».

В том месте, где сорок лет назад проходила парадовая линия Каховского плацдарма, в приднепровском парке Новой Каховки, возвышаясь над уютными коттеджами, стоит обелиск, сооруженный молодежью юного города в честь героев гражданской и Отечественной войн. С одной стороны его — изображение орденов

в скромном облицовке и памятника Фрунзе открыт городской исторический музей. В нем нет привычных городских залов с черепками этрусских ваз, изъединными временем каменными бабами из сицифских курганов, прожаренными досками рындарен. Посетителя сразу же захватывает боевая геронка советских воинов, сегодняшних трудовых будней Каховки.

В первом зале музея размещена экспозиция, посвященная разгрому южного барона Врангеля на Каховском плацдарме, в Таврии и Крыму в ноябре 1920 года. Здесь же документы и фотографии организаторов Советской власти в Каховке и каховских партизан 1918—1919 годов, мемориальные макеты, карты и схемы военных операций, фотодокументы, включенные в легенды приказа М. В. Фрунзе войскам Южного фронта № 4 от 27 сентября 1920 года.

Крупным шрифтом машинисткой выделены слова: «Врангел должен быть разгромлен, и это сделало армии Южного фронта». Под стеклом — драгоценные экспонаты: почетная золоченая сабля С. М. Буденного — награда Редовенцев Южного фронта. В соседней витрине лежит рукопись «Письн о Каховке» М. Светлова с фотографией и дарственной подписью автора.

Здесь собраны образцы оружия советских воинов, разгромивших отборные, вооруженные до зубов арванглевские полница. Легендарная «буденовка» — выданный вид суконный шлем с алой звездой

ОБЕЛИСК, СООРУЖЕННЫЙ МОЛОДЕЖЬЮ ГОРОДА В ЧЕСТЬ ГЕРОЕВ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ.

по рылхому вчерашнему снегу. Его сапоги с хрустом проламывали ледяную корочку и проваливались по самый край голенища.

Мы все ждали, что вот сейчас он остановится, подаст команду, и все кончится. Но сержант молчал, и мы чувствовали, что дело заходит слишком далеко. Мы видели, как медленно багровеет лицо Морозова, как стареет он сдержант приступ кашля, как крупные капли пота соберутся у его висков и одна за другой скатываются вниз. Откуда только он брал силу, этот невысокий, цыпый человек? Честно говоря, нам уже становилось не по себе...

Вокруг лежала серая снежная равнина, где-то позади слышался топот, звучала команда, а мы бежали и бежали вперед...

Юрий перестал оглядываться: может быть,

он потерял надежду победить в этом поединке, а может быть, просто бегит последние силы. Теперь каждый думал об одном — лишь бы выдержать. И мы тоже все реже поглядывали на сержанта, только слышали рядом его тяжелое хриплое дыхание. И, уже хватая глотки морозный воздух, мы продолжали бежать вперед, к маленькому заброшенному домику, где дорога поворачивала обратно, где обычно нас ждала перемешка...

Юрий из последних сил еще пытался ускорить бег. Но мы уже не видели ничего, кроме домика. Вот до него пятьдесят метров... двадцать... десять... пять... Вот уже Селыхов начинает замедлять бег, не дожидаясь команды...

— Вперед! — глухо крикнул сержант.

Юрий быстро оглянулся. Наверно, он подумал, что ослышался.

— Вперед! — еще раз, задыхаясь, крикнул сержант.

Он остановил нас только через полкилометра, когда Селыхов уже спотыкался и казался, вот-вот упадет в снег...

Назад в казарму мы возвращались ускоренным шагом. Все тяжело дышало и не смотрело друг на друга.

Возле казармы Морозов скомандовал:

— Разойдитесь!

Селыхов первым направился в куряку, на ходу доставая коробку с папиросами. Но никто не пошел за ним. Мы остались стоять возле сержанта. Мы задавали ему пустячные вопросы просто потому, что нам хотелось говорить с ним...

Морозов слабо улыбался. Его мучил кашель, и бледность медленно разливалась по лицу.

дой, заставлявший трепетать врагов революции. На стенах — фотографии, запечатлевшие беспорядочно брошенные врагом американское снаряжение, французские пушки и английские танки, бегство остатков белогабардейских мятежников на кораблях интервантов.

Последняя экспозиция говорит о сегодняшних днях Кавказки. Тут зримо ощущается, как близок коммунизм. Выросший в сказочный срок чудесный город юности — Новая Кавказка — показан на многочисленных фотографиях и макетах. О Кавказе знает не только его страна, но и наши друзья за рубежом. В музее хранятся трогательные подарки учеников Будапешта школьникам Кавказки. Экспонаты, повествующие о нерушимой, испытанной временем дружбе народов нашей страны. Труженники Кавказского района соревнуются с Сагареджойским районом Грузинской ССР, оказывая друг другу бескорыстную помощь. На большой фотографии — сцена конкурса в честь успешных итогов соревнования братских районов.

...Последние посетители выходят из музея. На свежем асфальте шушат, проносясь мимо, рейсо-

вые автобусы — на Херсон, на Геническ, на Асканию-Нова... В вечернем небе Кавказки загорается гирлянда огней, на горизонте видны сияющие вспышки далекой электросварки. Идет в ногу со всей страной, набирая богатейшие силы, скромный город-воин, город-труженник.

В. РУЖИНА

БАРЕЛЬЕФ НА ОБЕЛИСКЕ В НОВОЙ КАВКАЖЕ.

МАРШАЛЫ СОВЕТСКОГО СОЮЗА К. Е. ВОРОШИЛОВ И С. М. БУДЕННЫЙ.

Снимок подарен музею прославленными полководцами гражданской войны.

Фото В. Гудкова.

Николай РЫЛЕНКОВ

Кто землю сам пахал, тот за столом
Разрежет хлеб, не уронив ни крошки,
Стянув на свежей скатерти улом
Во дни страданий искоженные стези.

Я тоже в поле вырос и окреп,
Шел не прохожим по родному краю
И по тому, как люди ценят хлеб,
Себе друзей в дорогу выбираю.

Пишет девушку в поле художник,
Пишет шито утро подраю,
И глаза ребятшек дотошных
За мазком его каждому следят.

Уж на холст забегает раздале,
Где той девушке жаль и мучота,
А художник опять недоволен,
Начинает сначала опять.

Вед, что есть златошное в утре,
Чем на тренах сияет роса,
Вложит он в эти ряды кудри,
В эти жадные счастья глаза.

А пока — только отвести вышки,
Только писать цветной хордой,
И не уметь понять ребятники:
Что он ищет, чего не найдет?

Разве то, что невидимо глазу,
У чего и название нет?
То ли дело фотограф! Он сразу
В полной форме представит портрет!

Что ты скажешь, художник, на это,
Чем похвастаешь с фотоаппаратом,
Если чудо, как радуга летя,
Не волочется в живые черты!

А я все чаще вспоминаю Тюнино,
Хоть навесить никак не соберусь,
Тот школьный парк, скамейку ту, где Бунина
Тебе читал, бывало, наизусть.

Ты надо мной подучивала ласково,
Как будто в дальний собирала путь:
— Смотри, искормленный со стола
крестьянского,

Как пахнет черной хлеб, не позабыл!

И вновь просторы лета деревенского
Наступшими гремели вразбой...
А вот теперь и спрашивать нам не с кого:
Что сталося, где распростелся мы с тобой?

Я говорю об этом не с обидою
На быстро промелькнувшие годы,
Я просто сам теперь себе задаю,
Тому, какому я был с тобой тогда.

И я б хотел, чтоб, хоть не так уж ласково,
Звучал твой голос в голосах судьбы:
— А ты, искормленный со стола
крестьянского,

Не позабыл, как пахнет черной хлеб?

ПАРИСА ЧА УЛИЦАХ

По улицам скользят яхты. Взад-вперед на водных автослесах смуют мальчишки. Перед перекрестком останавливает бег стремительный ветер. Оттуда слышен голос: «Следующая остановка — Центральный канал».

Мы выходим из дома. Двенадцать ступеней вниз. Здесь стоит маленькая моторка... Наш путь мимо благоуханных зданий. Мимо домов, отделанных иририном глубокого красного цвета. По фасадам керамические орнаменты. Зеление, шение, желтые асбо-шиферные плиты образовали изгородь балконов.

Солнце заливает своими теплыми лучами и магистрали и сады между зданиями. Яркими отблесками оно поливает в огромных стеклах витрины и эркеров. Тысячу раз отражается в зеркальной глади каналов, которые огибают Русановский жилой массив и разрезали его на три микрорайона... Путь по каналу продолжается. Мы плывем к «Детскому миру», потом к гостинице, затем направляемся к парку.

Архитекторы В. Ладный и Г. Кульчицкий продолжают свой рассказ, показывая все новые и новые сооружения... на макете генерального плана застройки Русановского массива.

Еще прошлой весной левобережная пойменная терраса между мостом имени Патона и бывшим Цепным мостом в Киеве представляла собой огромный пустырь, извечно затопляемый лаводами. Архитекторы и инженеры решили превратить полторы гектара «пропавшей» земли в один из наиболее благоустроенных районов столицы Украины. Тогда в Русановском массиве заложили и вошли первые землесосы снуряды... Ныне уровень почти всего участка намет выше затопляемой отметки. Пятиметроватая борозда каналов шириной от двадцати одного до восьмидесяти метров уже четко вырисовывается на песчаной глади района будущей застройки.

Более десяти тысяч одно-, двух- и трехкомнатных квартир будет построено в Русановском массиве в ближайшую три года. Тридцать тысяч киевлян вернутся в новые дома, планировка и благоустройство которых ответят самым высоким архитектурным и инженерным требованиям. Каждая квартира будет оборудована автостроительной мебелью. Каждую квартиру украсят балконы, эркеры или лоджии. Каждая квартира благодаря особой планировке окажется на южной или восточной, солнечной, стороне. Здания, расположенные вдоль уличных каналов, среди садов и спортивных площадок, выростут на значительном расстоянии друг от друга, открыв в квартиры доступ потокам свежего воздуха.

Архитектурная идея, которая легла в основу проекта, подчинена в первую очередь созданию максимальных удобств для жителей. Три микрорайона Русановского массива, разделенные водными магистралями, спланированы так, что все культурно-бытовые учреждения будут располагаться, как говорится, под рукой. Не более пяти минут понадобится, чтобы дойти до любого магазина, до базы проекта предметов домашнего обихода, танцевального или спортивного зала, детского сада или школы, кинотеатра или одного из трехэтажных гаражей для частных машин. Ровно пять минут потребуются, чтобы добраться до благоустроенного пляжа, раскинувшегося на берегу залива. А линия метро свяжет новый район с правобережной частью города.

У авторов проекта застройки Русановского массива, архитекторов В. Ладного и Г. Кульчицкого, есть и соавтор — инженер зеленого строительства В. Родионов. Оселению новых кварталов будет уделено особое внимание. Сады и бульвары, зеленые боскетов и корды газонов превратят весь район в огромный парковый массив.

На проспекте Воссоединения в Киеве красуется огромное живописное панно. На нем план будущего нового района. Киевляне говорят: «Плохоже на Венецию». Действительно, улицы-каналы с перекинутыми через них мостами придают Русановскому массиву некоторое сходство со знаменитым городом на воде.

Но в новых кварталах Киева не будет той сырости, которая крадется по савам в углубе жилища рабочего люда Венеции, что селится на острове Дуканджа. Здесь не будет колоты и дыма, выбрасываемых в атмосферу венецианскими нефтепергонными и химическими заводами. Здесь на помощь водным дорогам придут прямые асфальтированные магистрали, нужда в которых с каждым годом все больше и больше ощущается в Венеции. Не будет, правда, в Русановском массиве знаменитого дворца Да Д'Оро — дворца дамкой, украшенного инкрустированными в цветных мраморах, мозаичной и позолотой. Зато каждая новая киевская квартира будет образцом современных линий и форм, царством новых строительных материалов, бетона и стекла.

По каналам Русановского массива не будут плывать gondolas и баржи. Здесь, видимо, не услышишь серенад и трелей мандолин. Не вечерная, когда прогучивает катера, украшенные разноцветными огнями, миррады раз отражались в черном зеркале ночной воды, пойдут по улицам нового района, с их палуб разнесутся и звуки бандур и задушевные мелодии украинских песен...

Бор. СЕМЕНОВ

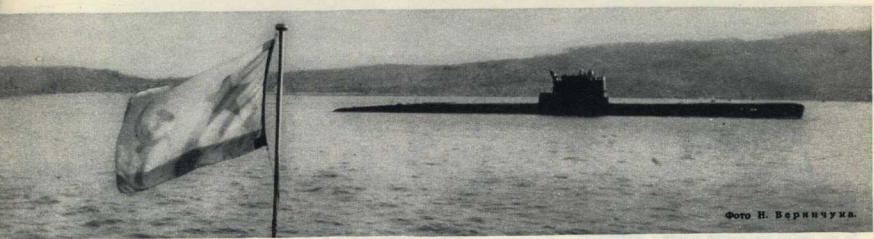

Фото Н. Беричука

ЧАСОВЫЕ МИРА

Спокойная, чуть затененная легкой рыбой гладь морской воды у одного из рубежей нашей страны... Но вот над водой появляется металлическая трубка, оставшая за собой расходящийся веером след. И, как по волшебству, из волны выходит стальной корабль необычной сигарообразной формы. Вода, мурча, стечает с надстройки. Открывается люк...

Многие из нас видели момент всплывания подводной лодки только в кинофильмах. А для этих отважных и простых ребят-комсомольцев всплывание, погружение и плавание под водой стали самым обыденным, повседневным делом. Жизнь на подводной лодке начинается ранним утром, задолго до восхода солнца. Громкие звонки пробуждают, быстрая зарядка, завтрак — и экипаж занимает свои места. Лодка медленно отходит от пирса и скрывается в море.

Вдруг по всем отсекам корабля раздается сигнал тревоги. Пробирка в корпусе! Попробуй соорудить, что делать, если в глаза, в лицо, в грудь тебе бьет с огромной силой забортная морская вода. Но во что бы то ни стало надо

спасти лодку, людей. И подводники, преодолев сопротивление воды, устраняют опасность... Правда, это не «свадебщина» пробирка. Это всего лишь тренировка. Но проводится она в усердном, максимально похожих на боевые.

А вот тиромная машинистка, старшие второй статьи П. Семенову и его другу старшие первой статьи В. Загоруйки, было, помалуду, не до тренировки во время одного из последних походов.

Лодка шла в надводном положении среди разбухавшихся моря. Штурм «кляла» веретенообразное тело лодки с бочу на бочу. Внезапно поступил сигнал — поврежден механизм в наружной части корпуса. Что делать? Загоруйки и Семенов — классные специалисты, знатоки своего дела. Однако здесь одного умения мало. Нужно показать еще и класс мужества. И комсомольцы-подводники показали его, исправив механизм.

Очень долго подводные лодки во всем мире называли «грозы морей». Особенно страшную и гнусную известность снискали себе гитлеровские подводники-пираты, топившие жирные

транспортные суда всех стран, которые бесстрашно перед торпедами. Но наши подводные корабли выполняют самую человечную и гуманную миссию — они охраняют мир, труд и жизнь людей на земном шаре. Поэтому старший торпедист комсомолец Геннадий Кольсонов гордится своей профессией. Он полюбил трудную, но увлекательную службу морина-подводника. Но есть у Геннадия и еще одно увлечение. Он страстный футболист и может похвастаться неплохими достижениями в спорте. Ведь не так легко завоевать второй спортивный разряд.

...Сурово и неприветливо зимнее море. Сероватые волны тяжело плещутся, перенатываясь через палубу. Лодка вышла в обычный, будничный поход. Следит за работой двигателей элентрини и механики. Застыли наблюдатели на своих постах. Мигут сигналы торпедисты. Неумолчно пищит морзанина — связь с Большой Землей не прерывается. Молчаливая, настороженная, подлодка вышла в море. Раньше ее называли бы «грозы морей». Теперь называют «часовым миром».

НАДЕЖНАЯ РАДИОСВЯЗЬ — ЗАЛОГ УСПЕШНЫХ ВОЕВЬХ ДЕЙСТВИИ ПОДВОДНИКОВ. ОПЫТНЫЙ МОРЯК МИЧМАН ВОК НАБЛЮДАЕТ ЗА РАБОТОЙ МЛАДШЕГО ТОВАРИЩА-МОЛОДОГО МАТРОСА В. ПРЖЕСМИНГО.

НА ХОДОВОМ ВАХТЕ. ВАХТЕННЫЙ ОФИЦЕР СТАРШИИ ЛЕЯТЕНАНТ С. ХОХРИКОВ И СИГНАЛЬЩИК В. КОРЕНЬ ЗОРКО СЛЕДЯТ ЗА МОРЕМ И ВОЗДУХОМ.

ЗАДЕЛАТЬ ПРОБИРКУ В КОРПУСЕ НАДО БЫСТРО. КРЕПКО, НАДЕЖНО. ОТ УМЕНИЯ КОМСОМОЛЬЦЕВ-ПОДВОДНИКОВ ЗАВИСИТ ЖИЗНЕСПОСОБНОСТЬ ПОДЛОДКИ. А УМЕНИЕ ЭТО ПРОВЕРЯЕТСЯ НА ТРЕНИРОВОЧНЫХ АНТИЯХ.

СТАРШИИ ТОРПЕДИСТ ГЕННАДИИ КОЛЬСОНОВ ГОРДИТСЯ СВОЕЙ СЛУЖБОЙ.

ТРЮМНЫЕ МАШИНИСТЫ П. СЕМЕНОВ И В. ЗАГОРУЙКИ, ОТЛИЧНИКИ ЭТО ВО ВРЕМЯ ШТУРМА.

Роман ХАРИТОНОВ

ЦВЕТЫ И ЗВЕЗДЫ

Кто он такой, этот двадцатичетырехлетний юноша Роман Харитонов? Кемшистик? Да, пожалуй, кемшистик: он работал на стройке. Шахтер? Да, он был оттачиваем в шахте. Рыбак? Да, он ходил с рыбаками в море. Поэт? Вот это уж пусть определяет читатель.

Для молодого человека поэзия — это еще не профессия, это состояние его души. Чем больше он познает по жизни, тем больше он может сказать людям. Чем больше он любит людей, свою землю, тем убедительней будет его речь.

Роман Харитонов даровит? Безусловно. Но к дарованию должна присоединиться сила и глубина его души.

Владет ли он уже стихотворной техники? Да, владет в той мере, в какой многие молодые и немолодые люди, печатающие свои стихи. Настоящая, его собственная поэтическая техника еще не родилась.

Пока что Роман Харитонов по праву студент второго курса Литературного института, куда, как известно, ежегодно поступает многие и многие сотни молодых людей, пишущих стихи.

Я верю в Романа Харитонова.

Лев ОШАНИН.

ЗВЕЗДЫ

Взлет мечты,
великий взлет,
люди к звездам,
к звездам люди рвутся.
Из ярких звезд,
из самых ярких звезд
мы отлавив слово
РЕВОЛЮЦИЯ.
Земля гудит,
гудит,
Земля гудит,
и я, поэт,
ее секрет раскрою:
стучит сердца в ее большой груди
любимых и революционных героев.
И в тех сердцах жива такая сила
непримиримой ленинской мечты,
что звезды вырастают на мотылах
и не опадают цветы.
Мы взрываем даты,
и оживают в бронзовом агье,
тяжелые в бессмертном болате,
вожди и безыменные солдаты.

В МОСКВЕ

С этим городом связаны все надежды,
по не всем приготовила славу Москва.
Мы идем по Москве в элегантной одежде,
на учебу приехавшая братва.
Мы больше и сильнее,
мы красивые парни,
только руки испачканы татуировкой;
мой товарищ Ленька, бригадир-ударник,
при знакомстве краснеет,
как божья коровка,—
ведь теперь не сортешь
и не вытравшишь, видно:
«Люби до гроба
в лихой разлуке».
Ах, как Леньке стыдно,
зе, как Леньке стыдно!
Ленька прачет в рукав тяжелые руки.
Что ж, случилось всякое в жизни с Ленькой,
было парню все
то в обрзе,
то с вышком.
Жизнь на то и дана
интересной,
нелегкой,
чтобы в сильных мужчин вырастать
мальчишкам.

Мы студенты,
и в жизни у нас перемены,
как учетчики, дело имеем с бумагой.
Мы недавно смотрели скульптуру Родена,
ту, где думает крижистый работник...
Есть над чем подумать нам головы,
в коммунизм не прыдешь без науки.
Вместе с Ленькой я ночью сражусь
с глаголами —
о, и сложная это штука!
Только Ленька однажды сказал нам:

— Ш! Мне 6, ребята, справиться с диваном,
чтоб потом от души говорить по душам
с господином выходящим дипломатом.
Ну и Ленька!
Ленька вы преграда в спидкоке
и давно ли варил на Игарке мосты...
Нас послали учиться по рабочей путевке
в этот город
судьбы моей и мечты.

Весною весение запахи,
весною на улицах тесно.
И девушки, взявшись за руки,
поют весенне песни.
С глазами чуть-чуть тревожннми,
с губами по-детски нежннми,
они покупают мороженое
и покупают подснежники.
Воздух весенний хрушкой,
воздух весенний звонкий.
Сложу я рупором руки
и крикну одной девочке,
той,
что живет в Воронеже,
у Курского переезда,
что письма ее хорошие
нужны мне сейчас до зарезу!

ЧУДАК

Весеннее солнце большое и радужное,
воробы отогрелись и стали храбрыми.
А на лестницах много набережной
мальчишки обступают корабляки.
Мальчишки не знают, что с каждым годом
хочешь стать не взрослей,
а моложе.
Прудку к потомственным мореходам
и подарю перочинный ножик.
Чтоб долго-долго мальчишка помнил
этот день, по-весеннему шаткий,
и чтоб однажды весною погляди
чужака в коричневой шапке,
который пришел к ним,
как ранний к равным,
и гаркнул над ухом:
— Здорово, матросы!
...Я буду когда-нибудь умным и старым,
но никогда я не буду взрослым.

Я помню,
и читал со сцены,
жестикудровал, как мог.
На сцену я пришел со сменой,
пришел усталый и несемый,
стесняясь сплюсневших сапог.
И я слыча рубка начальство,
я все ругал
и низвергал.
Свои стихи
читал заваливно,
аплодисментов ожидал.
Я забавлялся рифмой четкой,
знал все размеры изубок.
Напротив длинный парень с чепкой
кричал:
— Давай, глупи, браток!
Но вдруг подвинулся мастер старший,
провел ладоною по усам.
— Ты научился хаять, парень,
А что ты сделаа, парень, сам!
Он говорил без сантиментов,
он понимал,
он правду знал.
И не было аплодисментов,
и я молчал,
и зав молчал.
...И раз за разом в этом зале
и сердце выверял свое.
Здесь люди в правду не играли,
а молча делали ее.

Птицей припадаю на крыло,
листья умирают тяжело.
Умирают тяжело
на взлете,
на прощальном
медленном кругу,
и не верте мне,
что осев в золоте—
золотом не высечешь искру.
Осеп,
пламя,
яростные краски
сердце будоражат, и в крови
горячий прикусу взрывных рябин.
Как красиво листья опадают,
как в России листья умирают!
Нет, не умирают!
А сторают
на ветру...

НА УДАРНЫХ
КОМСОЛЬСКИХ
ПЛОТОВ РАБОТНИКИ КОМСОМОЛА
В СВОЕЙ РАБОТЕ ПОСВЯЩАЮТ СЕБЯ

ГОЛУБИ

Над городом голуби,
над городом голуби,
отжелезеше за зиму.
В оттавшей синей проруби
белые птицы иррадируют.
Птицы спешат отраздывать
начало весты скорее,
птицам нельзя опаздывать,
птицы быстро стареют.
Птицы без неба стареют,
крылья у них слабеют.
Я видел, как старые голуби
и в скорби остались гордыми.
Им, старым и неуклюжим,
бросали хусочки хлеба,
а птицы входили в лужи,
где отражалось небо.

РАССКАЗ МОЕГО ДРУГА МОНГОЛА

Я поднимаюсь в горы высоко-высоко,
я опускаюсь в небо глубоко-глубоко.
Я лежу на вершине и на снегу две
или час, или два, или много дней.
Города надо мной,
города подо мной,
города,
города,
город мой заревой.
Нет, не город,
а стан пастуха-отца;
между юрт заковытыли два жеребца.
Мой измак самый древний,
мой род самый древний,
как Алтайские горы,
как таежные гребни.
Если верить преданиям, ветру и кедру —
Чингисхан был прапрадедом нашему деду.

Ветер кедру седые предания бормочет.
Надо мной,
подо мной горный ястреб клевочек.

Говорят,
что зливо у меня ястребиное,
а глаза холодные и тревожные.
Но у ястреба не было друга любимого,
а мой друг,
лучший друг мой,
живет в Борнеже.
Он из древнего-древнего русского города,
мой делая тепло, если было нам холодно,
черный хлеб, черствый хлеб, если было нам
голодно.

И у нас на двоих одно сердце и родина
тоже одна.
Самышней.
Топочет монгольская конница.
Кто за монгольское конницей гонится?
Чей это,
чей это копь заронной?
Или Елпатын Колвората,
или это Дмитрий Дюковский
мчится с мечом вперед отрядя?
Возле Калки войска построены...
Возле Дона войска построены...
Наши предки были великие воины.
Мой воронежский друг стал мне названным

братом.

Лучший друг,
мой кони всегда напоены,
только крикни в беде,
я тотчас буду рядом!

ЭТО БЫЛО НА ЗАПАДНО- СИБИРСКОМ...

В Кемеровской области возводятся сейчас одно из крупнейших сооружений семилетки — Западно-Сибирский металлургический комбинат. Тысячи юношей и девушек приехали сюда по комсомольским путевкам, чтобы принять участие в создании нового промышленного гиганта.

Сегодня мы публикуем три зарисовки молодых журналистов — сотрудников многотиражной газеты строящегося комбината.

ВОЗВРАЩЕНИЕ

Секретарю некогда. Секретарь целый день на стройке. И целый день сидит в комитете комсомола небритый парень в модном пиджаке. В ногах у него небольшой обшарпанный чемодан и зеленый швейный мешок. В кармане у парня аккуратно сложенный лист. На обратной стороне листа — несколько строчек: «За позорное бегство с ударной стройки, за пренебрежительное отношение к ней из рядов Ленинского комсомола исключено». Подпись. Печать.

Это она, маленькая машинистка, строгая под мальчишку, отстукала такие строчки. Сейчас она будто чувствует себя виноватой. Нетнет да и скажет, как заводная:

— Знаете, все-таки вы правильно сделали, что вернулись.

Он смотрит на коричневый сейф. Там, наверху, его комсомольский билет. Там же, наверху, и путевка. Что он будет говорить секретарию?..

Не рассказывать же, как с легким сердцем купил билет до Омска, как высканивал на останках пить пиво и, недождав кондуктору, считал по справочнику станциям.

...Потом Омск, дом. Сестра бросилась обнимать его. Смеялась сквозь слезы.

— Колька, родной! Правильно: надо было отпроситься. Стой на денек!
Ему ядруг стало душно. Вытер со лба пот и затоптался у порога.

Сестра ничего не заметила, стаскивала с него пиджак.

— Обтрепался, Колька, в подкладке дыра. Зашью завтра.

Вечером пришел брат. Тоже старший. Родителей у Кольки нет — только брат и сестра. Они ему и отец и мать. Брат долго тискал его, оглядывал.

— Возмужал!.. Ничего, парень хоть куда! Недаром тебя на стройку послали.

Потом они выпили. Николай опятьел неожиданно быстро. Врал про стройку. Врал, потому что не знал толком ничего. Брат достал аккуратную папку с тесемочками — вырезил из газет. Все о Западно-Сибирском комбинате: заметки, очерки, статьи.

— Специально вырезал, ребятам показываю. Братишка, говорю, младший там у меня. Должен знать я, где он работает, что строит. Ну, а про народ он мне расскажет, говорю, когда свидимся..

Рука брата лежала на Колькином плече и казалась очень тяжелой.

— Дружки твои с завода тоже собираются туда всей бригадой. Письмо написал. Ты там похлопочи, если что...

Николай ядруг уронил голову на руки. Слышал, как сердито зашептала сестра:

— Устал он с дороги, а ты!..
Она уложила его, погасила свет.
...Кружилась голова, и белые пятна от фонарей за окном, темные тени от листьев пылили по стене.
Он поднялся и, натякая на мебель, побрел к стулу, на котором висел плащ.
— Ты что, Коля? — пристала сестра.
— Плащот возьму. Насморк.
Он взял из кармана документы и сунул их под подушку. Пусть теперь сестра читит плащ.
— Не спалось. «За позорное бегство со стройки...» Подпись. Печать. Гляд от себя эти строки, но они не уходят.
Угрозил же их тогда встретиться на останков с секретарем! Цепко взял их за локти:
— Куда?
— Домой. К бабушке, к дедушке...
Лидо у секретаря злое — того гляди ударит. А говорит спокойно:
— Вечером разберемся на бюро. Потом на все четыре...
...В маленькой комнате комитета полно народу. Все в рабочем.
— Терадо ршил!
— Терадо.
— Ден поболтался на стройке — и в кусты? Дезертир Ты вот и в бою так же...
— Дешево билет комсомольский отдаешь!..
— Ты пугаву эту украл, понимаешь? С ней настоящей парень к нам приехал бы...
...Автобуса долго не было. Пошли пешком. Обернулись — нагоняет служебный. Поднялся ружь.

Рисунок Ю. Чистякова.

Чумазый парень в выцветшей гимнастерке приоткрыл дверцу.
— Куда, ребята?
— До города. Возьмим!
— Тикаете, что ли?
По-свойски подлингуля.
— Вроде того...
Дверца щелкнула резко, как пощечина.
— Пешком дойдете, гады!

...Утром долго пелсялся в ванной. Подумал: «Там на пятах атаках нет воды, а ребята приходят с работы в масле, как черти».
На столе две записки.
Сестра: «Строитель! В колдильнице котлеты и молоко. Разогрей. Пиджак зашила. Целую».
Брат: «Колохо! В буфете рассол. Выпей. Слабак ты Хламиду свою не отдавай. В шифроне пиджак чешский — твой. Мне узковат. Сядись на 16-й и катая ко мне. Штуду одну покажу».

На улице жарка. Под каблуками мякнет асфальт. Пусто на останков.
Стоял и думал: «Все расскажу Володке, понять должен...»
К тротуару подкатил автобус. Николай шагнул к машине и остановился: над круглягом номера — яркий значок. Комсомольско-молодежный экипаж.
Скрингулила дверца. Машина ушла. Он остался...
Вечером показал билет.
— Завтра еду!
— Так скоро?
— Мне прораб так сказал: одна нога здесь, другая — там. Трудно у нас: людей нехватка большая...
...А секретаря нет и нет. Секретарь все еще на стройке.
— Скоро будет, вы подождите... — в который раз успокаивает стриженная под мальчишку девушка.
...И какое тебе до меня дело! — зло думает Николай. — Сидела бы, молчала! И знает: увидет она — совсем тоскливо станет.
Смотрит на курчичевый сейф.
— Там билет, что ли!
Стриженая кивает, улыбается:
— Ага... Там еще...

ПЕРВАЯ ОКРОШКА

На горе возле стройки еще лежал снег, а в стовой (худой) появилась окрошка.
Очередь затихла, как на торжественном смотре: ни толкотни, ни споров. Остро пахло свежим огурцом и зеленою.

Директор стовой плавала по залу и обзавидно оставалась у стоек, за которыми инженеры кушали окрошку. Рассказывала шепотом, вот уже который раз: огурцы перехватили в соседнем районе, ну, а лук и редис... Она звякнула Ван Ванчуку. Седые инженеры не проявляли эмоций, но просили добавки.

Очередь угрожающе вытнула. Передние оглядывались назад: там разговаривали слишком громко, что вовсе не соответствовало моменту.

Собственно, говорила одна — небольшого роста девочка, угловатая и быстрая. Такие никому не спускают и в детстве больно бьют мальчишек. Чуть выпуклые глаза, из-под косынки выбился льняной локон. Она инет в сумочку кулечке платок.
— Ой, девочки! Окрошка! Наншу маме — не поверит. Правда, не поверит. Я так люблю окрошку!

Другая, круглолицая и румяная, смотрит на подругу, приоткрыл рот:
— Галь, почему написано «овощная»? Разве другая бывает?

— Бывает. Мясная еще есть... Ой, девочки, как мама готовит окрошку! Как домашний — не то что в магазинах. Редис свежий, колбаса. И укроп. Самую малость.

Укроп зачем?
— Не ела с укропом? А со щавелем! Знаешь, как вкусно! В прошлом году я после первого экзамена, двадцатого мая, такую окрошку ела. Мама умилялась...
— То Москва, а то Сибирь...
— Сегодня же наншу домой: вы, сточкины, нос не задирайте: у нас тоже окрошка.

— И подснежники.
— И подснежники, правда!

В очереди улыбаются и беспокойно переступают. Будто у всех удроз озбилю ноги.
Галка с подружкой уже близко от тумбочки, где гремит подносима судомойка.

— Есть там еще!

— Есть, хзатит...
В зале вдруг темнеет. Кажется, тугая туча с густой просинью вот-вот заползет сюда: такая близкая и тяжелая. Где-то далеко кохоноту гром.
Галка сунула платочек в карман комбинезона и согнала у перенося брови-ниточки.
— Донда еще не хватало!.. У нас цемент открыт... Поживай там нельзя?
Гром раскатывает теперь широко и мощно. В зале звякнули, всплывнули стекла.
— Цемент у нас открыт! — повстрет Галка. — Успеть бы!
— Ты ведь с ночной?
— С ночной.
— Теперь это не твоа работа.
Вот и тумбочка. Они берут сколькожне холодные подносы. Сегодня никто не ворчит, что подносы опять не вытирают.
А грохот нарастает, ширится. Похоже, небо третит по швам.
— Цемент марки шестьсот. Вышей марки цемент, — чистит Галка и оглядывается на окна.
— Пусть бригадир думает... Шесть человек осталось.
В зал входит парень. Он весь в асфальте, ружий и смешно лопоухий. Он стоит с минутой,

потом спокойно идет к очереди и протискивается впереди Галки. Та брагательно сторонится, сбив косынку на самый затылок, тычет острым кончиком кулачка ему в спину.

— Ты!
Но стина, как крепость. Лопухий не оглядывается. Бунбит вроде бы сам себя:
— Не тычи, не Иван Кузьмич! Двое суток не жрал, торопился на трассу.
Во дворе, словно задремавшие чудяща, сгрудились «МАЗы».

— Эй, почему без очереди!
— Вывести!
Шофера берет за локоть пожилый дяденька в очках.

— Выходи!
— Я же стоял!
— Стол он, дедушки!

Галке почему-то становится жаль эту широко, ступенную усталостью спину.

— Стоял,— говорит она неожиданно и толкает локтем подругу.— Цемент так ждали... И окрошки не ела целую жизнь...

Шофер, полуобернувшись, слушает. Во-первых, он тронут благородством черноглазой и, во-вторых, как всякий уважающая себя мужчина, уверен в собственной неотраимости.

Молния расколола тучу пополам.
— Побегали! — Галка ловко нырнула под стойку. На ходу завязала косынку.

— Отпустит его вне очереди! — кричат кругом.

— Погоди, маленькая!
Шофер неумело держит в вытянутых руках попутную тарелку окрошки.

— На, ешь!
Черпак раздатчицы Тани предательски чиркнул о дно котла.

— На, маленькая, возьми!
Галка замечает: у шофера очень хорошие глаза. И вовсе он не лопухий. Засмеялась:

— Спасибо, Побегуй. Все равно напишу маме про окрошку: пусть в столице нос не задирают. А намеса потом...

Парня толкнули. Тарелка упала, словно выстрелила. По паркету развалялись осколки.

Шофер тряс руками и, отвисив губу, оторопело смотрел на брешь. Весь в сметане. На одежку налипли кружочки редиса, как новые копейки. Крякнул и шалкой вытер комбинезон.

— Постой, маленькая, подвезу! — Он кинул касирше мятую доску и затопал к выходу.

Раздатчица Тани послонидла кончик химического карандаша и жирно вычеркнула из меню окрошку овощную.

Во дворе заревел «МАЗ».

На гарах возле стройки еще лежал снег, а в столовой (жудю!) появилась окрошка...

ДВАДЦАТЬ МЕТРОВ

...Бетонщики отсиживаются в теплке.
Бригадир ершит выцветшие волосы, мхуро смотрит за порог. Дождь идет прямой, как по шнурку. Вода подкапывает к порогу. Кругом вода, а по ней — тонкие всплески, будто вся земля утыкана маленькими гвоздиками. Бригадир сплевывает, смотрит вверх. Там обложные тучи.

Утро. Дождя нет. И работы нет тоже: кончился бетон. У края болота бусует самосвал. Разернувшись, уходит обратно.

— Конец нашему плану, Мишка!
Оборачивается. За спиной новенький. Длороверный по пояс голый детина. Жует травинку.

— Иди ты знаешь, куда!
У Мишки не глыза — щелки.

— Да ты что! — обижается новенький. — Я ж теба не вино... Ты-то при чем?
Бригадир достает измятую пачку «Севера», садится на корточки.

— Пятая за день ушла! — с участием спрашивает новенький.

— Мишка молчит. Курит. Думает.
— Двадцать метров какже-то!

На бетоном из-за очереди сорются шоферы. Мишка пробирается между машинами.

— Кто должен в «СУ-2» везти Комзаракую?
Небритый парень в замасленной робе махает рукой:

— Гиблое дело. Там же не пройти, не проехать...

— Можно проехать!
— Много ты понимаешь!.. — Парень щелкает семечки, и шелуха летит на Мишку. — Ездил я там, пробовал. Нельзя.

— Слушай! — Бетонщик трогает шофера за рукав. — Это я, Комзаракую... Я там другой путь нашел — рядом. Сороч человек стоят, понимаешь? Обязательства же брали...

— Да так-то оно так... мнется парень.
— Ну, сыпюк не убыток, а?
Машина останавливается около болота.

— Ну, давай ж она, новая дорога!
— Де здесь она, рядом... Лицо у Мишки серьезное. В глазах просьба. — Берн чуть влево... От так!

Шофер переваливает баранку по кругу.
Мишка видит: там, на ленте фундамента, его бетонщики. Ждут.

Метр полтора — стоп! Левое колесо схватывает выбоина.

— Ну? — крикнется шофер. — Теперь куда?
— Прямо!..

— Да ты что! Может, с похвалья!

— Товарищ,— просит Мишка.— Ну, тронь еще, а?

Два метра, два с половиной...
Мишка наваливается на шофера. Тот отталкивает его плечом:

— Донрались! Кто вытаскивать будет — ты!
Мишка вдруг отступил в угол, напылился, как латук перед дракой.

— На поведешь!
— Хай!
Голос у Мишки хриплый, надтреснутый:

— На горбу у стройки сидеть приехал! Ты что делашь, а? Двадцать метров проехать не можешь, да! А ну вылезай!

Мишка теснит:
— Лезь на мое место! Через капот лезь!
Глаза у Мишки — щелки. На бледном виске колотится синяя жила.

— Лезь!
Парень становится на подножку, но Мишка толкает в грудь.

— На мое место! Пассажирский!..
Парень неловко ползет по капоту. На фундаменте хохочет бетонщики.

— АЙ да цирк!
— Кто за таких работать будет! — мрачнеет Мишка. — Разве с такими придешь к коммунизму?

Парень уже сидит рядом. Морщится, покраснел.

— Ну, кончай! Миниги, кто ли!
Руки у Мишки подрагивают.

— Ты хоть водля когда-нибудь! — уныло спрашивает из угла шофер.

Мишка молчит. Самосвал упрямо лезет по колею.

Машина стонет, стучит резко и тяжело, и сердце у Мишки стучит так же часто и гулко, будто оно, а не все эти цилиндры и поршни, тащит самосвал через проклятые двадцать метров.

— Еще метр, еще один. Дальше, дальше.
— Перегревеш! — гнетет шофер. — Целый час на первой гильи!

Метр, еще один. Туда, где на шоршавом фундаменте, как памлтинки, застыли бетонщики. Кончилось колея!

Мишка стаскивает кепочку и вытирает лицо. Спрашивает, не глядя:

— Сам подышь к траншею или едешь лине!
— Сам...

Через пять минут на участке трудолюбиво жужжат вибраторы. Мишка сидит на черенке лопаты, курит.

Уходит самосвал. Через полчаса к болоту одна за другой подходят четыре машины. Первая с ходу въезжает в грязь. Шофер, тот самый, в замасленной робе, положи голову на локоть, сбoku всматривается в колею...

Мишка встает с черенка, берет лопату.

— Двадцать метров,— говорит он и слюбом руки вытирает пот на висках. — Двадцать метров. Подумашь!

Петя Клыпа...

Этот эпизод участия легендарной обороны Брестской крепости сейчас хорошо известно благодаря рассказам по радио и книге писателя Сергея Серовича Смирнова о подвиге над Бугем. Но хочется еще рассказать об этом замечательном паренке, с которым мне довелось сражаться рядом, рассказать о том, чему я сам был очевидцем. Надеюсь, что мой, может быть, неумелый рассказ поможет читателям «Смелых» лучше узнать этого героя.

Только что закончилась еще одна (какая уж по счету!) бомбежка Брестской крепости. Вслед за сержантом Тумановым мы взбираемся по горчичным кирпичам на увеличившую площадку второго этажа.

Прямо посреди двора бьют пули. Что там еще может гореть? Камин! Да, камин... Вместе с бомбами фашистские стартерки сбрасывают на крепость бочки с бензином и нефтью. Пожары бьют по всей территории цитадели.

Над нашими головами визжат пули. От стен отлетают мелкие осколки кирпича.

— Откуда это?
Туманов корчится броваст:

— Немцы подлетели в клуб. Сейчас будем брать...

Сержант посылает связного к лейтенанту Кижеватову, а нам приказывает залечь и ждать команды. Фашистское командование направляет очередную авиационную атаку: мощные усилители разнес над руинами молодую нашед «Кашпаш». Черт его знает, но так рассчитывают фашисты, начиная свои разведприлеты этой ночью. А потому снова подлетается японская капитуляция. На размышление дается 60 минут.

Возвращается наш связной, воспитанник 333-го полка, влопаче собой полущенный патроником, целый богато! Оказывается, еще во время бомбежки он обнаружил где-то среди развалин пограничных конюшен небольшой, чудом уцелевший склад боеприпасов, а сейчас, пользуясь временным затишьем, притащил их к нам. Позже мне не раз приходилось слышать об отвязных делах этого маленького солдата. Иногда они были настолько невероятными, что бойцы, воспевающие отвагу, мужество и выдержку мальчишки, недоверчиво переспрашивали друг друга. А лейтенант Кижеватов, рассказывая о нем, постоянно прибавлял теплоту отцовской улыбкой: «Музыкалчик Петушок»...

Петя рано лишился отца, железнодорожника из города Брянска. Брат его — Николай Клыпа — служил в 333-м полку, и командование полка решило взять мальчишку на воспитание. Так тринадцатилетний Петя стал сыном полка.

На рассвете 22 июня 1941 года, когда первые снаряды и бомбы обрушились на столицу крепости, Петя, раздетый и испуганный, оказался среди бойцов, нашедших убежище в подвалах. Растерянностию первых минут вскоре прошла, и Петя пробрался в свою раздетую казарму, размыл пол в руинами одежду и с винтовкой в руках занял место среди защитников крепости. Он принес оружие и для своих товарищей, пятнадцатилетнего Колю Новикова и семнадцатилетнего Пети Котельникова.

Смелые ДЕЛА МАЛЫШКА

Ити в убежище к женщинам и детям Петя решительно отказался. «Немцы не боятся», — сказала он, — «стрелять умее!».

Старший лейтенант Патопан назначил его наблюдателем, а потому — своим связным. Когда защитники цитадели поднимались в атаку, рядом с бойцами полка шел и Петя Клыпа, посылая пули в фашистов из трофейного автомата.

Как-то ночью в сопровождении лейтенанта Кижеватова во время очередного обхода. В одном из казематов, заваленном бочками из-под капусты и соевых орговцов, идущий впереди лейтенант вдруг выхватил пистолет:

— Кто здесь? Выходи!
Я тоже вскинул автомат. «Неужели пробрался гитлеровец!» — мелькнула мысль.

— Это я... сой...
Из темного угла каземата вышел Петя Клыпа, мокрый, грязный, растерянный.

ПЕТЯ КЛЫПА. 1941 год.

— Ты чего здесь? Выяснилось, что в одном из казематов Петя был ранен. Осколки камня или мины сбили мальчишка с ног, глубоко разорвали кожу на голову. Пришло в себя Петя уже в лазарете. Криво-то в бойцов вынес его с поля боя, перевязав куском гимнастерики и положил к раненым. Командир запретил мальчишку выходить из подвала до тех пор, пока рана не заживет. Приказ есть приказ, но вокруг шла бой. Петя же мог оставаться безучастным свидетелем. Он решил поскорее вылечить рану. От кого-то он слышал, что в таких случаях лучшее средство — соль. И вот тайком Петя начал лечиться. Разыскав бочку с остатками рассола, он часами

сидел, опустив раненую голову в жидкость.

— Но ведь это адская боль! — изумился Кижеватов.

— Нет! — послушно ответил Петя.

Но по его глазам, полным слез, по его до крови искусаанным губам было видно, какую боль терпеливо переносил этот мальчик ради того, чтобы скорее вернуться в строй, к товарищам.

Тяжелые, изматывающие бои шли день и ночь. Кончались сумерки запасы продуктов, не было воды. Особенно трудно приходилось женщинам и детям. И Петя добровольно ходил по воде. Возвращаясь из разведки, он часто приносил детям корку хлеба или грязный кусочек сахара, найденные среди урн и завалов. Как-то он принес Валу Зенкиной, его подружке по школе, ленточку шоколада.

— Возьми вот, нашел в карманах моего фрица. — «Своими» Петя называл убитых им фашистов. И уже тише, чтобы не слышала Валя, очень серьезно, по-взрослому сказал стоявшим рядом бойцам: — Одна же девочка, слабенькая, а мы уж как-нибудь обойдемся...

Однажды Петя Клыпа с подоспевшим бойцом прятался женщинами в каземат целую ночь мушкетерами.

— Пригодиться немножко, — авторитетно по-хозяйски распорядился Петя, усталю садясь на камень. — Прикроем голову пузлой — хлоплопал он по животуку малышка, доверчиво, как к старшему, прижавшемуся к Петю. — А то неудобно как-то: мужнина, а пузо голое...

— Если б иглоку да нитки, можно было б и пошить что-то, чтобы для ребятяшки... — завидливо женщины. Многие из них и сами были только в изразренных ночных сорочках.

— А я научу, как без иглки платье шить. Просто... — И Петя начал демонстрировать перед женщинами свое умение шить без иглоки. Он оторвал метра два ткани, сложил ее пополам, немецким тесакон вырезал дыру на згибке, просунил в нее голову и узкой полоской, как ремнем, перерезался в талии. — Платье готово!

Над его выдушкой смеялись даже тяжелораненые. А через несколько часов платье этого удивительного, но ставшего уже привычным фронса можно было видеть повсюду на всех детях да и на многих женщинах. Правда, проносили они это «Елтино платье» недолго: порванная на бинты мушкетера пошла на перевязку раненых. Так сошла бы мужиков.

Услышав от бойцов, что боеспособны на исходке, Петя с группой

воспитанников решил, что они должны помочь защитникам подвала.

— Теперь мы будем группой разведчиков, истребителей и... добывателей оружия.

Тамки были они, наши дети, на пороге юности ослепленной огнем войны. Вычерывая романтика игры в солдаты в минуты страшных испытаний тоско переплывала в них с мужеством, отвагой, суровым трудом, воинской. Сколько раз пришлось Петю и его товарищам ползать под разрывами снарядов и бомб по двору цитадели, развешивая под завалами хотя бы ящик патроник или полный подсумок, хотя бы одну нагодную винтовку! А однажды...

Горел склад боепитания. Жаркие языки огня лизали уцелевшие после взрыва строения крыш, а еще настойчиво пробивались сквозняки окон верхнего этажа. В разраставшийся жог пожара влетали частые и сухие потрескивания патроник: огонь добрался до штабеля патроник, вынес их. Вслед за тем, как красноармейцы бросились спасать боеприпасы, выбили бревном двери склада. В пролом хлынули густые горячие клубы удушливого дыма. Бойцы отступили.

Неужели огонь проник и на первый этаж? Ведь там мыны!

И в эту минуту нерешительности и замешательства мимо бойцов, присевших на полочке, пробрался Петя Клыпа. Его не успели остановить, кинулись от грозящей опасности. Он и сам прекрасно знал об этом. Мальчик кричал за толпой дымящей завесы. Серьезно, несколько минут, мучительно кашляя, с покрасневшими и слезящимися глазами, он высочил из склада, влопача за собой ящик патроник. Пристжеженные и воодушевленные его моделью, красноармейцы, позывая об опасности, бросились в горящее здание. Среди них снова был и этот маленький боевик... Треснула и осела перегородивший потолок. Отгнанные балки и ящики рухнули в пролом на первый этаж. Красноармейцы, в тлеющих гимнастериках, с обожженными руками и лицами, поспешно втаскивали за укрытия спасенное оружие и боеприпасы...

На гранях земляных кубов казематов лежали наши раненые. Многие из них умирали в жестоких страданиях: не было перевязочного материала, не было медикаментов.

Сколько из них спас жизни, облегчил страдания наш маленький разведчик Петя Клыпа со своими товарищами! Под огнем и взрывами они пробрались и развалинам какого-то склада санитарной части и принесли, несколько раз переползая через дурью горящий цитадели, большой запас медикаментов.

...Но все это было позже. А сейчас...

— Остался тридцать минут. Мизан или смерти? — надрывно кричит фашистское радио.

Цитадель молчит. Подтаиваем и другой пулемет к стене, выходящей в сторону гарнизонного клуба: скоро начнется наш штурм. Сигнал для атаки — взрывные ракеты из подвала полка.

— Остался двадцать минут!.

Сверху нам видно, как, прижимаясь к земле, ползут бойцы 333-го полка. Впереди них первая группа преодолевает уличку, залегает за руинами коменда-

туры пограничников. Вслед за ней ползет вторая группа, третья...

— Осталось десять минут. Жизнь или смерть!

И тут происходит то, чего совершенно не ожидал фашистское командование, предлагая после жестокой бомбежки «почетную капитуляцию». Четыре зеленых ракеты описывают в небе дугу. С криком «Ура!» бойцы поднимаются в атаку. Могучие русские «Ура!» несется от Холмских и Тереспольских восток.

Я не выдерживаю.

— Разрешите, товарищ сержант! Еще с одним бойцом нашей группы, Иваном Бугославским, склеившись по рукам являю, перебегаю улицу и в развалинах командатуры присоединяюсь к пограничникам. Поднимаемся в атаку.

Рядом со мной, низко пригнувшись, сплотившись о груди битого кирпича, бежит маленький солдат с непомерно длинной для него винтовкой в руках — Петья Кыла. Достигави в броске здания клуба. Сместившись вправо, слышны взрывы ружья. От неожиданности фашисты забавили включить радиопередатчик, и в мгновение «Ура!» наших бойцов врываются размеренные удары часов. Теперь они отсчитывают последние минуты жизни гитлеровцев.

Над цитаделью кружит фашистский самолет. Что ж, пусть наблюдает за «капитуляцией» защитников Брестской крепости!

...В бесперывных боях, ночных схватках с диверсантами, вылазках за водой и оружием шли дни, один на другой похожие, один страшнее другого. Дрон полетел далеко на восток. Все теснее сжимается вражеское кольцо вокруг разрушенной, но непокорной крепости над Бугом. Все оживленнее и чаще артиллерийские налеты и бомбардировки пылающе цитадели.

На головы защитников фашистские стертанники сбрасывают почти дахтунские торнадо... На стенах каменных плавают стены подвалов. Горы завалов похоронили под собой многих бойцов. Отдельные группы защитников отрезаны друг от друга. Много раненых.

С каждым часом добить хотя бы несколько флаг воды становилось все труднее. Воды не было. За каждую принесенную женщину детеныш, в награду, влугу воды смельчачи расплачивались двумя-тремя жизнями. И когда,

через много лет после войны, оставшихся в живых защитники крепости говорят о своих товарищах: «Он ходил по воде», — это равнозначно высшему признанию мужества и героизма.

Петья Кыла ходил по воде. ...Кончались боеприпасы. Сотни трупов устали двор цитадели. Их некогда и никому было убирать. Удушливый смрад глотня не давал дышать даже в самых дальних отсказах подвалов. У кормящих матерей пропало молоко, грудные дети были обречены на медленную голодную смерть...

Ввиду безнадеежного положения командование крепости решило отправить женщин и детей в плен, чтобы спасти их хотя бы такой дорогой ценой.

Ушли женщины, ушли на работу, на озор, на мучи, до мила каторгася детей. Ушли на подпит — великий подвиг матерей...

Сын полка, сын брестского гарнизона Петья Кыла остался в подвале с последними защитниками, с тем, кто поклялся стоять насмерть. Он давно и по праву вошел в ряды бойцов. И, может быть, то единственное одобрение, с которым встретили бойцы решение командира: «Боепитаник 333-го полка Петр Кыла остается», — было наивысшим признанием мужества мальчика, ставшего в дни обороны солдатом.

Фашистское командование назначило новый генеральный штурм крепости. По радио был объявлен даже час штурма — 17 часов.

Немногочисленные защитники подвалов, разделенные на изолированные группы, почти без оружия и боеприпасов, в большинстве своем раненные, не в силах были выдержать этого удара. И тогда старший лейтенант Потопов и лейтенант Санин, почти без минуты до начала вражеского штурма повели свою группу на пролив, в последнюю атаку. Они повели бойцов не юг, не на север, не на восток. Гитлеровцы никак не думали, что горсточка советских солдат пойдт на пролив, нанося своей удар на запад, в тыл гитлеровским войскам. А именно туда, через Западный остров и реку Буг, повели бойцов Потопов и Санин.

Смельчачи с боем прорвались на Западный остров, в рукопашную схватку прошлы его до реки Удья. Молот драться бойцы, и даже смертельно раненные падали на землю, не выпуская из своих цеп-

В ДНИ ЗЕМНЫХ КАНИКУЛ В ГОСТИ К ПЕТРУ КЫЛЕ ПРИЕХАЛА ЕГО ПЯТИНАДЦАТИ ЛЕТНЯЯ ДАВАЯ Я ПОМОГУ ТЕБЕ ОТВЕЧИТЬ НА ПИСЬМА. — ПРЕДЛОЖИЛА ОНА, — НУ, БУДУ ХОТЯ ВЫ ПИСАТЬ АДРЕСА НА КОНВЕРТАХ...

Фото Н. Васильева.

ких рук горло врага. Но слишком нервными были силы. Перебраться через Буг удалось только девяти бойцам. В их числе был и Петья Кыла.

На следующий день в лесак над Бугом раненые, смертельно уставшие герои по одному были захвачены в плен фашистскими автоматчиками.

...Лагерь смерти под Бала-Подляккой. Шталаг № 307.

Первый побег. Трудные дороги на восток, к своим. Брестская тюрьма. И снова побег. Толстые стены тюрьмы не в силах удерживать непокоренных. По лесам и болотам Белорусии, уставшие и голодные, проходил Петья Кыла и Володя Козимин многие десятки километров. Они стремятся перейти линию фронта и снова с оружием в руках драться с оккупантами. Они все еще солдаты. Но в одной из белорусских деревень мальчонки настаивают полиция... Снова плен, снова страшные доро-

ги этапов — Петю и Володю отправляют на работу в Германию. Большие испытания выпали на долю пионеров. Но они не сложили его. Он встал, не согнулся, выжил — наш товарищ, солдат, сын бессмертного гарнизона Брестской крепости.

Юноши, живущие под нашим мирным небом! Если на вашем пути встретятся трудности и в чье-то сердце заберется подленькая мыслшка «отступитесь», «перейдите», «пересидеть», «пустит кинибудь другого», вспомните мальчишку, идущего в атаку на врага с тяжелым оружием бойца в руках среди огня и взрывов. Ему было трудней, неизмеримо трудней. Но он шел, шел, повинувшись велению сердца, падал и поднимался, защищая в бою вашу жизнь, ваше счастье!

С. БОБРЕНКО,
артист Львовского драматического театра

Брянск, улица Энгельса, 34...

Мы сидим с Петром Кылой в просторной, светлой комнате нового дома, куда недавно переехалась его семья; он показывает мне фотографии и планы новостроя.

Письма, письма, письма... Их поток непрерывен. Они идут в Брянск, на эту тихую улицу, со всех концов страны. Участнику легендарной обороны Брестской крепости пишут тысячи людей: пионеры, школьники, рабочие, труженники полей, воины Советской Армии, ремесленники, студенты. Пишут из Иордан и Венгрии, из Польши и Чехословакии. Люди восстают поддвигами тринадцатилетнего пионера, с оружием в руках защищавшего родную землю над Бугом.

Почти каждое письмо заканчивается приглашением приехать в гости. И трудно бывает отказываться, если зовут пионеры всей школы. Да, это там школы! Городога! И не просто приглашают, а заверяют, что в честь приезда героя «каждый ученик посадит в городе по дереву», да еще с чисто ребячьей непосредственностью обещают «собрать, если понадобится, деньги на дорогу...» Попро-буй-на-тут откажись! И Петр Кыла едет то на Урал, то в Поволжье, то на Украину, то в Белоруссию...

Я слушаю рассказы о его поездках и встречах, о работе на заводе, и меня поражают энергия этого человека, любовь к жизни, к лю-

дам и простота, сердечность, скромность. Большие испытания, вылазавшие на долю Пети Кылы, не сломили его духа, не погасили великой улыбки, не потухшим ниного взглядом синие глаза...

Петр работает сейчас в инструментальном цехе завода «Строительшина», который выпускает оборудование и механизмы для строительства предприятий цементной промышленности. Это передний край семилетия. Инструментальный цех несколько месяцев подряд удерживает заводское первенство: Красное знамя, борется за звание коммунистического...

Начавшие Нового года Кыла зашел после смены и начальнику цеха Калегаеву.

— Хочу просить у вас рекомендацию, — сказал он, — рекомендацию в партию...

— Пора, — улыбнулся Калегаев. — Я сам хотел поговорить с тобой об этом.

— Спасибо, Евгений Николаевич.

И вот недавно в жизни Кылы произошло событие, которое человек запоминает на всю жизнь и о котором не может говорить без гордости. На партийном собрании коммунисты завода приняли переводного рабочего, героя Брестской обороны, Петра Сергеевича Кылу кандидатом в члены КПСС.

Н. ВАСИЛЬЕВ

КАВКАЗСКАЯ ЛЕГГИМКА.

ИСПАНСКИЕ — ВУРЬЯЛЬС.

«АВТОМАТ».

УЗБЕКСКИЕ ТАНЦЫ «ЧАБАН».

В ШЕДЕСЯТОМ МИРЕ ТАНЦА

Фото М. Муразова.

Мальчика интересовало все на свете. Но больше всего он хотел танцевать. Сын чеченского крестьянина Али-Султана Эсамбаева хотел стать артистом.

Крепко досталось Махмуду от отца.

— Среди нас никогда не было клоунов, — в тишине сказал он. — Чеченцы танцуют на свадьбе, танцуют, когда ему весело, но не на потеху зевкам.

Али-Султан, партизан гражданской войны, не был темным, невежественным человеком, и он любил сына. Но у него было иное понятие о культуре, чем то, которое придерживался Махмуд.

Конфликт с отцом продолжался много лет. Но мальчик настоял на своем. Он стал артистом. Мало того — он стал замечательным артистом. Его искусство расценивается сегодня как выдающееся явление в нашей эстраде.

Махмуд Эсамбаев из кулацкой семьи Атаки стал народным артистом Чечено-Ингушской АССР, заслуженным артистом РСФСР, депутатом Верховного Совета своей республики, обладателем премии всесоюзного и двух международных конкурсов на фестивалях молодежи, гордостью своего народа.

Недавно после его концерта для студентов МГУ на Ленинских горах один артист сказал:

— Это Шаляпин танца.

И никто не посчитал эту оценку неточной или преувеличенной. «Танцы народов мира» — так называется концерт Эсамбаева. В программе — кавказская логика, индийский танец «Золотой бог», узбекский — «Чабан», испанский — «Вурьяльс», бразильская «Макумба». Но если бы написать на афише: «Танцевальные рассказы о людях», — это было бы тоже верно. Махмуд Эсамбаев не просто исполнитель, он творец, вдохновенный художник.

Его «Макумба» потрясает. Этот танец ему помогло поставить в Бразилию, когда группа советских артистов балета гастролировала по странам Латинской Америки. Эсамбаев ошеломил публику своим огромным талантом и своей феноменальной техникой танца.

На первый взгляд Эсамбаев исполняет «Макумбу» — танец-за-

ключание — в чисто бразильском духе, и все-таки это не совсем так. В смелом поединке человека со злыми силами артист увидел не только самую борьбу — это есть в рисунке танца, и тут достаточно простого исполнения, — но и чувства человека, ступившего в смертельную схватку, его надежду и отчаяние, мгновения страха и его преодоление. Этого не может поставить ни один хореограф, это надо раскрыть самому артисту. Ритмичный, эротический ритуальный танец Махмуд Эсамбаев переживает, как драматический актер переживает роль в пьесе. Это и делает танец не просто великолепным, но и необычным. Концерты Эсамбаева превращаются для нас в открытие нового мира — мира многокрасочного, эффектного и в то же время глубоко человеческого.

Вот безудно-автоматический

танец в ресторане из балета Глиера «Красный цветок» (этот номер так теперь и называется — «Автомат»), в котором Эсамбаев показывает чудеса технического мастерства. Эта балетная сцена раскрывает человеческую тему, так сказать, «от противного» — через гротескный, сатирически заостренный образ бесчеловечности, с которой буржуазное искусство для сытых убивает все живое и в искусстве и в жизни.

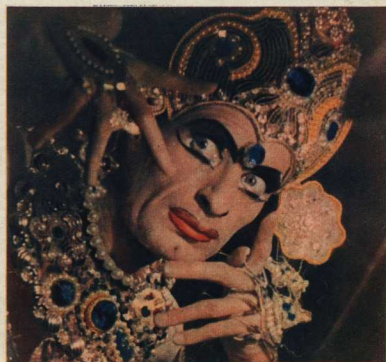
Смотреть после «Автомата» изысканный узбекский танец-повелу «Чабан» — это значит вернуться в светлый мир народной жизнерадостности и романтической открытости.

Искусство Эсамбаева оптимистично по своему существу, даже когда он рисует трагические образы.

Искусство Эсамбаева — это большое искусство.

А. НАЛИТУХИН

ИНДИЙСКИЕ ТАНЦЫ «ЗОЛОТОЙ БОГ».

Я пишу об алжирской войне без прикрас, так, как она во всей неприкрытой наготе отражается в моем зеркале. Одна сторона его — полоса тунисской земли, протянувшаяся вдоль границы с Алжиром, другая — так называемая линия разграничения в руинах и пепле лежат уничтоженные, буквально стерты с лица земли алжирские деревни. Этот уголок мира называли «новой страной». Летом здесь стоит нестерпимая жара, зимой занывает снежный ветер. Поскольку царит бедность и нищета. Редкие деревья, и те были вырублены алжирскими бензонами, чтобы сделать из них краши для своих убогих конур, которые служат им жильем.

...Мы видели, как однажды в нашу сторону, к тунисско-алжирской границе, двинулась группа мужчин, женщин, детей. Это группа из наших инстинктов я скорее напоминала вереницу призраков. Люди медленно шли вперед, лишь лишь в силу привычки, и когда им все же удалось добраться до мест, они даже не сразу это поняли.

То были алжирские крестьяне, которые на спинах своих осликов уносили с собой и детей и раненых. Все это происходило в начале июля, в тот самый майский день 1959 года, когда депутат Клостерман, выступая в Национальном собрании Франции, восклицал: «Французские депутаты! Вот истинная картина обстановки... Для того, чтобы население Алжира не смогло оказывать помощь феллахам (Клостерман здесь имеет в виду повстанцев. Прим. перевод.), мы вынуждены были приступить к уничтожению деревень посредством воздушных бомбардировок...»

В этих местах французская колониальная армия, применяя тактику «выжженной земли», проводила целую серию военных операций, в которых участвовали самолеты, танки, броневики. И вот в результате таких операций по выжиганию с бороздами земли, когда на алжирские деревни обрушилось море огня и свинца, оставшиеся в живых крестьяне были похожи на раковины, случайно выброшенные на песчаный берег. Разбуженные тишиной морской стихией. Тысячи загубленных, обреченных на муки и страдания людей, у каждого из которых своя история. И уже одной такой историей достаточно, чтобы осудить войну.

В те дни, когда я находилась в Тунисе, там еще стояла очень хорошая погода. Особенно чудесная в вечерние часы. Вспомню, как некоторых наступала та благоуханная пора, когда поливают улицы, вет прохладной, появлялись торговцы цветами. И, глядя, как они летят, торжественно и плавно несут из своих головках корзинки с букетами жасмина, опьяняясь благоухающим запахом этого цветка, которым наполнялся весь город, казалось,

будто ничто не может помешать нам поверить в счастье.

Счастье... Какое слово вышло из под пера! Можете ли сейчас говорить о счастье, если нам еще не удалось кончить с проклятой алжирской войной?! Ведь совсем недавно в Нормандии, в Сан-Этьенно-до-Гурей, большая группа людей, знала о гибели и Алжире еще одного своего соотечественника, гневно требовала установления мира. Это был молодой солдат Роже Филипп, один из тех многих тысяч французских юношей, которым жизнь обещала впереди много радостей и светлых дней. Случаю два месяца после женитьбы неумолимо война вырвала его из дома, из мирной жизни и бросила в этой гористой костер. Для жены Роже, познавшей за эти два месяца счастье семейной жизни, гибель ее мужа — смертельная душевная рана. И разве менее смертельна для нее гибель ее сына, которого, то у нее, скажем, еще жилая, теплая одежда, работа, нища? Разумеется, нет.

Мне довелось видеть жену Роже Довольное от горя, изумленное лицо еще совсем молодой вдовы живо воскресло в моей памяти лицо другой женщины. То была алжирская крестьянка, которую я увидела в Кефе, на тунисской земле.

...После нескольких часов пути я добрался наконец до тунисско-алжирской границы. И здесь, на тунисской земле, рядом с которой простиралась зона разрушения и усталая крестьянско-распростерту фигуру этой алжирской крестьянки. Спасаясь от преследования ее смерти, она чудом прошла линию разграничения и оказалась в зоне электрической токи. И вот она, обессиленная голодом и лишениями, едва лишь достигла тунисских бездорожных гор, тут же упала на землю. Здесь, на этой самой границе мира, как ее называют, на нее уже едва ли могли упасть вражеские бомбы.

Алжирка совсем молода и красива, как газель. Единственной одеждой ее было выжидательное, черное дыры которого проглядывали подорожие от холода тело. Рядом с ней лежал ее ребенок. С первого взгляда даже трудно было определить, жив ли он, или же просто спит с открытым ртом.

Люди, подобные ей, были лишены буквально всего и не получали никаких льгот. Поэтому существовали специальные спасательные команды, чтобы среди тунисских гор отыскать этих выбившихся из последних сил алжирских беженцев, на которых обрушилась страшная катастрофа во время проведенной французской армией операции «Медуза» — одной из военных операций по уничтожению алжирских деревень.

Мне рассказывали, что молодая алжирская крестьянка потеряла своего мужа. Его звали Вельхас. Он умер на ее глазах в страшных муках, и мне не хотелось бы описывать подробно-

сти этой трагической сцены. И не противопоставляю жертва войны, а жену Роже — жене Вельхаса. У той и у другой были одинаковые глаза, потому что их терзала одна и та же неукротимая печаль. Но в глазах алжирки еще можно было прочесть что-то вроде надежды или мести. И это было, видимо, мы звали том, что своего единственного ребенка она не могла накормить, так как у нее в груди не осталось молока.

Кеф, Тифер и раскинувшиеся вокруг них горы — все эти места, запруженные беженцами, образуют нечто вроде безмяных деревень, которые расположены всего в каких-нибудь пяти километрах от линии разграничения, где грохочет война. И вот я попросила сотрудников информационной службы Туниса показать мне наугад любое такое место, которое представляло бы для меня интерес. Но не отличилось бы от других мест. Словом, в мои намерения не входило увидеть необычную обстановку, в которой находится алжирские беженцы, иначе могла бы сказать, что я искала сенсацию, видела действительность в кривом зеркале.

Губернатор Кефа, тунисец Бешир Вельхас, прежде всего ознакомил меня с результатами уже продолженной аде работы. С чувством нескрываемой гордости он рассказывал об организационных делах постоянных пунктов распределения муки, растительного масла и горячего супа, которые ежедневно выдвигаются алжирским беженцам.

— Сейчас дело идет лучше, чем вначале, — продолжал он. Но все же предстоит много работы, прошедший суровую школу жизни, побывав в тюрьме. И все же каждый раз, когда я навещаю своих братьев — алжирских беженцев, на моих глазах появляются слезы. Мы делаем все, что можно сделать, и даже больше того. Но война жестока, и она повседневно обрушивается на головы людей новые несчастья. Сам по себе этот район небогат. Если говорить о санитарном состоянии — и я прошу вас это записать в блокнот — то признаюсь: нам необходима по возможности большая закрываемая глаза на такое положение. Вот, например, женщины и их грудные дети... Прозябая в убогих лагунах, они лишены всего, даже самого элементарного. Люди, которые так предостерегают, что это неграмотные крестьяне, которые, тем не менее, ясно понимают разницу между «французами Франции» и ультракоммунистами. Они говорят: «А, кто причинил нам столько зла, — «гнилые плоды» Франции, упавшие на голову алжирцев». Поздравляйте в горы — и вы все увидите своими глазами. Тогда об этом узнает весь мир: ведь вы журналисты.

Я направился в горы. Вокруг безжизненный пейзаж, один каменистый, редко увидишь деревце. Если смотреть издали, то кажется, что там, на склонах гор, разбросаны стога сена. Но стоит лишь приблизиться, как картина меняется: перед нами стога сена, а вблизи — следы, над которыми выжжена на солнце изношенная в клочья одежда. Люди выходят из своих пещер, сделанных из земли и камня. Тунисский фотокорреспондент объясняет им, кто я. Источенные голодом, обворованные алжирцы отвечают на мои приветствия. У них старческий и лихорадочно-возбужденный вид. К ним гурьбой подбегает голые девочки робинки. Но при вспышке магния моего фотоаппарата тотчас же в испуге рассыпаются в разные стороны. Это не удивительно: в их сознании еще живо сохранились взрывы бомб, горящие деревни, огонь войны... Вспышки магния все это им и напоминали. Но вскоре они вновь подошли, устремя на нас свои взгляды в молчаливом ожидании, ожидая увидеть у меня в руках, потерев всякую надежду, продолжали лежать в своих конурах.

В это время приехал представитель Красного Креста. Мы начали обход, и перед нами развернулась потрясающая картина. Я вхожу в одну из первых попованных лагун, едва прикрывая вместо крышки обрубками деревьев, прислонившимися отсюда надлажен. Женщина тяжело встает со своего места и обнимает меня: она, видимо, приняла меня за алжирскую санитарку.

В это время я решил про себя, что терять больше понашему времени на объяснения того, кто я. Это, впрочем, и не имело значения! В лагуче живет двенадцать человек на двенадцать человек всего лишь. Порция муки, которая была выдана на день, уже съедена. Люди давно не видели ни фруктов, ни овощей, ни сахара, ни мяса. И ни даже не в чьему приложить руки, чтобы добыть себе пропитание, потому что на раскинутых здесь каменистых скалах невозможно что-либо возделывать.

Представитель Организации Объединенных Наций накануне говорил мне, что в лагерях алжирских беженцев на каждого человека приходится по одному одежду. И в это время ответила мне, что этого далеко не достаточно, чтобы зимой, при сильном ветре, уберечь от холода больных и полуголодных людей. Что оказалось на деле? В этой лагуче на двенадцать человек всего лишь два изорванных одеяла. Правда, они содержатся в изумительной чистоте, как, впрочем, и во всех других лагучах, где мне довелось побывать.

Однако я был немало удивлен, когда алжирская женщина показала мне выданный ей сегодня утром месячный паек мыла, за которым ей пришлось идти в двенадцать километров. И этот небольшой кусочек мыла, весь поместившийся на моей ладони, выдается человеку на целый месяц!

Весь один и та же картина. Мы мыла, но прошла неделя по солнцу, и нас одолевала жажда.

Так как лагерь остался далеко позади, то нам пришлось по очереди пить воду из консервной банки — единственной имеющейся здесь посуды.

Маленькая девочка присела ко мне на колени и стала играть моей косой. Она тоже приняла меня за алжирского санитарку: ведь я брнетка. Мне повезло больше, чем Жюль Руа¹, потому что он, если не ошибаюсь, бандит. Мне же удалось облизаться с алжирскими феллахами, в памяти которых еще живо сохранились ужасы пережитых ими бомбардировок французской авиации. И не удивительно, что они приняли меня в свой круг как родную, несколько не задумываясь над тем, кто я, какая у меня профессия и какой я национальности. Я знаю, что некоторые мои соотечественники могут подумать про себя, что это пропаганда. Но на это я отвечу: если еще здесь, в самом сердце этих гор, алжирцы были со мной так откровенны, то потому, что у нас не возникло мысли, что все им рассказанное мне станет затем известным во Франции.

Совсем иначе повели себя те алжирские беженцы в Турине, которые знали, кто я. В мой вопрос: «В чем вы здесь задержались?» — некоторые гордо ответили: «Ничего», — другие же: «В нехватности, только и всего». Конечно, мой вопрос был неуместен, так как алжирцы привыкли к тому, что им приходится острою нужду. Ведь даже наиболее «обеспеченные» из них, как верно отметил Жюль Руа в своей книге «Алжирская война», не следуют на день больше того, что везут в Алжир, а лишь на закуску во время обеда.

Мы вернулись в одну лачугу, где только что умерла женщина. Как и в чем ее хоронить? Все оставшееся в живых алжирцы проявили удивительную солидарность: на следующий день утром каждый из них оторвал от своего оборванного и изношенного платья по клочку материи, чтобы сделать из них саван для умершей. Несмотря на все лишения, нам хотелось, чтобы она достойно была похоронена.

Но среди этого безбрежного океана страданий и нужды густо было слышно и звуки радости. Мы направлялись туда и увидели «школу»: алжирские малыши учились читать. При виде их сразу же вспоминала о детях Вьетнама, которые когда-то, в тяжелые годы войны, по ночам, при тусклом свете ламп, держали в руках буквари и учились читать: ведь ним и приходилось прятаться от напавших на них вепрей перед моими глазами были дети Алжира. Мерно покачиваясь из стороны в сторону, полуотложившие, с красными, воспаленными от укусов мух глазами, но с необычайными деснами задором они читали:

1 Жюль Руа — полковник французской армии, автор известной вышедшей в Париже книги «Алжирская война». Эта книга, которая является подлинным научным наблюдением в Алжире, вызвала скандал во Франции.

ли по словам арабские слова, написанные на досках и картоне. Они сидели на лямках, образуя круг. А на щеках каждого из них гноились ожоги на бумажные, видимо, из-за отсутствия витаминов.

Представитель Красного Креста, алжирец, смотрит на детей и словно самою себе говорит: — Они забыли вкус фруктов, мяса. Но мы будем сражаться против нищеты до тех пор, пока не исчерпаем ее. Нам особенно больно оттого, что во цвете лет гибнет наша молодежь.

И, уже повернувшись ко мне, он продолжает: — А ваша молодежь во Франции, она тоже гибнет...

Немного задумавшись, он спрашивает:

— Скажите мне все же, вот недавно наши правительство (имеется в виду Временное правительство Алжирской Республики. — Ред.) возвратило Франции ваших военнопленных. Что же все-таки думают об этом французы? Или они хотят, чтобы остановить кровопролитие?

Мы подошли к лазарету, который помещается в жалкой коюре. В нем дежурил один санитар, врач, лечивший новорожденных детей во время очередных обходов.

Я спросила у санитаря: — Сколько беженцев в вашем секторе?

— Многие тысячи.

— Да, совершенно один.

Молодой человек говорил эти слова охрипшим, уставшим голосом, и казался, он сам был болен.

— Бывают дни, — продолжает он, — когда через мои руки проходит серым человеком. Одному делу переважу, другому — укол. Иногда я так устаю, что пропадает всякий аппетит, но хочется ни есть, ни курить. К счастью, нам прислали из Советского Союза и Китая новые медикаменты. Правда, их еще недостаточно, и нет, например, лекарств для лечения новорожденных с беженцами часто происходят припадки и даже умонамешательство. И все из-за того, что этих несчастных подвергли жестоким пыткам, всячески издевались. Иногда они приходят с верхом на ослике ехать по срочному вызову за пятнадцать километров. Тех же, кого необходимо срочно оперировать, я отправляю в тунисские больницы, если подвергается санитарная повозка. А сколько больных в Саниге, Кефе, которые целыми группами вповалку лежат на старых циновках, рогожах, а то и прямо на земле! Больше всего нам нуждаемся в продовольствии. Ведь уколами нельзя возместить недостаток питания, а кроме того, нет и витаминов. Мне иногда кажется, что я сам сойду с ума.

Вспомнил и о бедном, изможденном, бледном мире, над которым спускалась ночь, на этот катастрофический пейзаж, напоминавший мне пейзаж Орлеанля после прошедшего там землетрясения в 1954 году. В те дни люди

так же, голыми руками, воли отчаянную борьбу против смерти, против мух и червей, разданных раны у пострадавших. А в эти самые дни колонизаторы, горько плача, пеклись только о том, чтобы вовремя собрать урожай винограда со своих огромных и зорко охраняемых полей.

На тот раз они не посмеют сказать, что во всей безмерной трагедии, обрушившейся на Алжир, виновата природа, фатальность, роковая судьба. Всею ответственность за эту трагедию несут колонизаторы, которые ее породили и которые ее затянута на целых шесть лет, прикрывавшись именем Франции, вопреки воле ее народа.

Есть правдивые рассказы, которые не хочется кончать, когда повсюду новая стирка заставляет вас все время думать о вечно скрытые стороны алжирской войны, об ужасах которой, казалось бы, уже столько сказано и пересказано.

А сколько раз мы ставили в известность и предупреждали общественное мнение о страшных пытках над алжирскими патриотами. Мы начали говорить об этом во всех номерах с первых же дней войны в газете алжирской войны. Но, увы, тогда находились люди, которые этому мало верили. Теперь же об этом с негодованием пишут и говорят столько выдающихся писателей, что слышать об этом — от одного алжирского мальчика. Вот что он сказал мне:

— Вместе со всеми жителями деревни меня вывели на площадь. Но в самый последний момент я показался им (то есть французским парашютистам. — Ред.) слишком маленьким. Тогда они дали мне пинка... а всех остальных расстреляли.

Чего же ты теперь собираешься делать?

— Вот когда немного подрасту, я обязательно вступлю в отряды Народно-освободительной армии. Пусть и тоже умру, мне это не страшно.

Я рассказываю обо всем этом потому, что о таких фактах узнают иногда случайно.

Меня приняли за алжирскую санитарку и феллах, прибывшие в Тунино из Ореса, Сура, Алжира, Тибетуса и других мест. Это потому, что мои волосы такие же темные, как и у их жен. Они охотно показывали мне свои раны, чем разубедили о том, при каких обстоятельствах их получили. Им кажется излишним объяснять такие подробности, так как в течение всего этих шести лет каждый день войны приносило им неслыханные страдания. От истощения они иногда путали имена людей и названия мест. Они вели счет времени по лунным ночам, считали свои раны, не теряя надежды облегчить свои страдания.

— Пусть простит меня тот самый алжирец, которого я приняла за семидесятилетнего старца: ведь ему в действительности всего лишь сорок лет. Он передал мне на руки своих двух смятой бандонок: Ахмада и Наджи. Лица мальчиков были покрыты прыщами и язвами. Один из них сосал пустую соску. Алжирец сказал мне:

— Вот посмотри, отчето они болели.

— Они голодом, мой отец.

А отчего у тебя самого такой страдальческий вид?

— Это еще пустак. Меня целый месяц держали в подвале. Они подвешивали меня за ноги и каждый день пытали. Затем все же отпустили меня, наделив таким путем получить от меня сведения. Поэтому однажды ночью я решил бежать в Тунино. И вот что произошло: чтобы не было слышно, прощадывают эти крыссы. Скажи, что можно сделать, чтобы их не было?

Я не искала всего того, о чем рассказывала. Я пришла в Тунино для того, чтобы перед наступлением зимы выяснить, в чем особенно остро нуждаются алжирские беженцы. Но мне пришлось увидеть здесь ужасные условия в лагерях беженцев, даже в сиротских домах. Я узнала о жестоких пытках, которым они подвергались. Я посетила многие лагеря беженцев. И более всего меня поразило то, что речь идет о казахских детях, о бесчисленном множестве подобных случаев пыток.

Если кто-кто считает себя информированным обо всем том, что происходит в Алжире, знай лишь об Одиане, Аллере и Джамиле, то скажу вам, что вы еще мало что знаете. Таких, как они, там тысячи!

Все мы ничего не имеем общего с палачами алжирских патриотов. Все мы, кто пишет, размышляет, действует, пусть даже иногда различными путями, находим друг с другом во взглядах много общего. Вспомните, во имя мира в Алжире!

Всех нас объединит одна мысль, одно чувство, когда боремся против войны в Алжире, — любовь к людям, любовь к Франции!

Будьте же навек прокляты все те, кто несет ответственность за эту войну! Будьте прокляты именем молодой вдовы Роже Филиппин, именем алжирской крестьянки из Кефе, именем того великого мажора от усталости санитаря, который, приковав себя к лазарету-коюре, под этим белым от гнева небом героически сражался с многочисленными алжирцами, против несчастной смерти!

И над всей этой бедной нищетой и страданий горю развевается слышно из лесов тот зелено-белое знамя. Фронта национально-освободительной Алжир, всеяла надежду, придавая силы и дыхания жизни в сердца алжирских беженцев!

Перевел с французского В. КОЗЛОВСКИЙ.

ЧЕМПИОНЫ

«Победил спортсмен Советской Армии!»

Трудно вспомнить хотя бы одно более или менее крупное соревнование, где бы не раздавалось такое сообщение судей-информаторов. За годы существования спортивных клубов Вооруженных Сил в них воспитана целая плеяда выдающихся мастеров беговой и ледяной дорожек, кожного мяча, лыжи и штанги, вписавших немало замечательных страниц в славную историю советского спорта.

Говоря о спортивных битвах прошлого, вы наверняка теплыми словами помянете Григория Федотова, Александра Мазура, Калитовича Васильева, Владимира Вышпольского, Нину Откаленко, Феодосия Ванина, Владимира Оляшева, Никифора Попова, Ивана Семенова, Владимира Никанорова, Владимира Прошина...

Вспомнив об Олимпийских играх 1952 года, вы обязательно назовете Трофима Ломакина, Нину Пономареву, Всеволода Боброва...

Беседуя об Олимпиаде 1956 года, придете к выводу, что главный герой ее — Владимир Куц. А вслед за ним вспомните и Аркадия Воробьева, Вячеслава Иванова, Анатолия Башакина, Федора Богдановского...

Среди отличившихся на зимних играх, без сомнения, укажете Евгения Гришина, Владимира Кузина, Николая Солонубова...

Ну, а говоря о последней римской Олимпиаде, вы не сможете пройти мимо триумфальных успехов Юрия Власова, Владимира Ка-

питонова, Ивана Богдана, Виктора Цыбуленко...

Только в 1960 году армейские спортсмены завоевали одиночные первые общекомандных мест на всесоюзных соревнованиях. Десять представителей Советской Армии стали чемпионами мира, 12 — чемпионами Европы, 176 — чемпионами страны. Пятнадцать раз за минувший год армейские спортсмены улучшали мировые рекорды и 32 раз — рекорды СССР! Рядное спортивное общество может похвастаться и

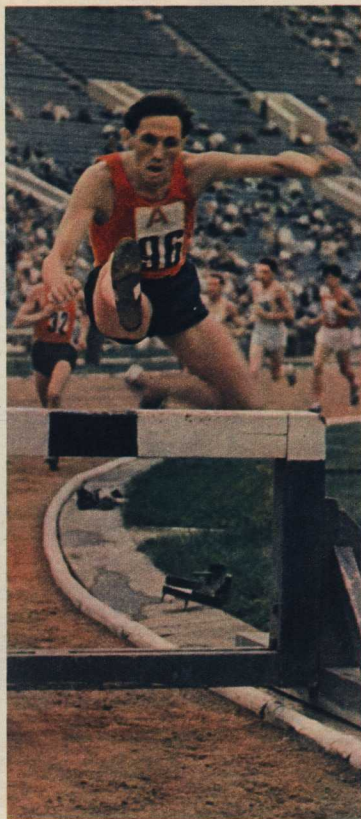

Фото А. Бурдукова.

тем, что в течение года им подготовлено около восьмисот мастеров спорта и несколько десятков тысяч первоарядников. А физкультурники нашей армии добились этого!

...Побывайте в Центральном спортивном клубе армии, и вы увидите, как куется будущее армейского спорта. При Центральном клубе работают десятки юношеских спортивных школ. Они объединяют свыше двух тысяч юношей и девушек. И занимаются с ними знатоки своего дела, та-

кие, как заслуженные мастера спорта А. Мазур, С. Вершинин, И. Иванов, Е. Семенов, Б. Гойцман, В. Прошин, К. Васильева, А. Гринин, Б. Ариадьев, Б. Афанасьев... Когда-то эти люди сами высоко несли знамя армейского спорта. Теперь они кузнецы будущего.

А вот одна из воспитанниц юношеской спортивной школы ЦСКА. Пловчиха Неля Криядина, школьница-десятиклассница. Она уже несколько лет занимается под руководством тренера В. Попова. Те-

перь Неля — призер первенства страны. Недавно она стала мастером спорта. И таких, как она, сотни!

Перед вами фотографии четырех спортсменов Советской Армии. Футболист Григорий Федотов, лыжник Владимир Олшнев, Бегун Семен Ржищин. Наконец, восемнадцатилетняя пловчиха Неля Криядина. Представители четырех поколений армейских спортсменов. Они как бы олицетворяют собой прошлое, настоящее и будущее армейского спорта. Федо-

тов и Олшнев — спортивные герои прошлого. На Ржищина сейчас равняются сильнейшие спортсмены Советской Армии. А сверстникам Криядиной принадлежит будущее.

Их мы еще увидим в рядах чемпионов.

Армейские спортсмены во всем стремятся быть достойными своих чемпионов. Они берут с них пример. Они идут с ними в одном развернутом строю, множа традиции советского спорта, покоря спортивные вершины.

Девушка Зоя

Д. НАГЕВ

ПО ТУ СТОРОНУ ПРИЛВКА

— А денги любишь?

Деньги? Зоя растерянно посмотрела на сидевшего перед ней человека. Средних лет, коренастый, с мятыми, каким-то незаметным движением. Голос спокойный, доброжелательный, вид совсем преспокойный. И лишь на мгновение, встретившись с ним глазами, Зоя увидела его взгляд — умный, означающий...

Заработанные — люблю! — сказала она.

— Так, так... Замаг поднялся. — Ну, что ж, начнешь работать ученицей у Жабской. Ей одной в отделе трудно.

И вот впервые в жизни Зоя Выстрова стоит по другую сторону прилавка. У нее за спиной вагон, перед ней покупатель — множество самых различных людей, каждый из которых ждет чего-то именно от нее, от Зои. — Высоко над, Пемесской бухтой, на склонах тор, дым и ночь дымят трубы цементных заводов. Здесь, на «Пролетарии», работает кочегар Выстрова — отец Зои, на этом же заводе трудится слесарем ее брат. А сколько друзей, знакомых! Все живут рядом, по соседству, все работает одним общим делом.

Не удивительно, что, окончив десятый класс и получив аттестат зрелости, Зоя пришла на «Пролетарий». Она работала и загрузчицей барабана, и на транспортере, и на арблении гудса, а ее всеклое все новое и новое — а восемнадцать лет хочется как можно больше увидеть и узнать, хочется все попробовать самой.

Прошел год. Зоя стала опытной работницей. — Вот только характер у тебя какой-то беспокойный, непоседливый, — говорили ей. Она отшучивалась, никак не предполагала, что из-за этого самого характера судьба ее скоро сложится совсем иначе.

А получилось так. Зоя встретила свою одноклассницу, которая работала в магазине рядом с заводом. Та вышла замуж и обитрала уезжать из Новороссииска. — Слушай, а может, пойдешь на мое место в магазин? — сказала подруга. — Работа интересная, живая, и замаг у нас дельный, Сычкин Александр Тимофеевич.

Зоя задумалась. Но дома неожиданно запротестовал отец. — С торговой точки не спешивайтесь! Дело это такое... темное. Сама не замечешь, как залутов тебе, — говорил он. — И зачем тебе туда лезть? Ты же работаешь на заводе, комсомолька, все хорошо.

А за прилавком и разве преставку комсомолькой быть? — сдавалась Зоя. — Не все же там такие, как ты думаешь!

Спорили долго, и в конце концов отец махнул рукой. Так Зоя Выстрова попала в магазин № 17 округа Новороссиискаго цементного комбината.

Половина магазина — промтовары. Направо — отдел тканей и готового платья, там работает комсомолька Аялтя Валентина. Налево — галантерея, парфюмерия, обувь и хозяй-

ственные товары. Отдел большой, каких толковых вещей здесь нет — гляди, работаешь!

А за прилавком их только двое, две Зои: Жабская и Выстрова.

— Не стесняйся, помогай отпустить хотя бы мелочи, смелей действуй! — подбадривала Жабская Зоя. — Видишь, народу много! И девушка училась торговать.

«ЧЕМ МЫ ХУЖЕ ДРУГИХ?»

Через восемь месяцев Зоя сдала экзамены и уже официально стала работать в отделе вторым продавцом, на одну кату с Зоей Жабской. Теперь Жабская доверяла ей все документы, отчеты, рабкор товарищ.

Небольшой магазинчик имел дружно и весело. Сообщда отмечали праздники, дни рождения, ходили в кино. Не считаясь со временем, помогали друг другу: лишь бы не стояло дело. Сядем, в промтоварном отделе сапарка, прием товаров — приходят на помощь девушки из продуктового, А Валентина, Зоя-маленькая и Зоя-большая (как стали называть Выстрову и Жабскую), в свою очередь, всегда были готовы сделать все, что нужно, в чуждом отделе. Даже в обещанный перерыв не расходились из магазина: кто-нибудь тут же готовил обед на всех, а потом до конца перерыва обсуждали свои дела, говорили о непорядках, думали, как исправить их. Много подкапывала Сычкин. Вынгательный, рассудительный, он как-то располагал к себе своей простотой и душевностью, а если и ругался, то по-отечески, не обидно.

— Главное — это доверие, — говорил Александр Тимофеевич продавцам. — У меня все открыто, нужен товар — бери, пожалуйста, накладкуую я могу и после выписать...

Обещанный перерыв уже подходил к концу, когда обычно молчаливая Аялтя Валентина попросила минуту внимания.

— Александр Тимофеевич! Девушки! У нас с Выстровой одно предложение есть. Как вы на него посмотрите? В промтоварном отделе нас трое, работаем дружно — все вы знаете. А мечтаем, чтобы еще лучше было. Знаете, мы — Выстрова, Жабская и я — хотим бороться за то, чтобы наша бригада стала бригадой коммунистического труда! Чем мы хуже других, верно?

— Молодых, девчата, — поддержала Сычкин, — правильно рассуждаете. Настоящие комсомолки!

Предложение бригады промтоварного отдела магазина № 17 обсудили на комсомольском собрании орс. В других магазинах тоже нашлись желающие бороться за высокое звание. Выработали условия соревнования: коллективное обсуждение покупателей, точность в работе, аккуратный внешний вид продавца, красивое оформление витрины. Члены соревнующихся бригад дали также обязательство повышать свои знания, по-коммунистически вести себя в бату.

В коллективе появились новые люди. После техникума пришла работать в магазин Вя Фя Ю, или Рита, как звали ее подруги. Опер-

гичная, общительная, она в первый же день помогла выпустить стеганую, сделала яркую рекламу минеральных вод.

— У нас тоже будет бригада коммунистического труда, обязательно! — уверено заявила Рита.

Осенью Жабская, Выстрова и Валентина добились своего: почетное звание имп было завоевано.

Одно только начинало не нравиться Зое в магазине. К Сычкину и до дело заглядывали приятели, и он почти каждый день выпивал с ними тут же, в подобие. Девушки возмущались, но не спорили — замаг все же, и хороший замаг. А кое-кто, правда, еще вспоминал, как Сычкин в свое время добился ухода одной из продавщиц, которая, по его словам, была слишком обаятельной, «изнакала». Что же это, Тимофеевич, к нам ходят тут всякие... не выдержала как-то Зоя. — У нас ведь открыто все.

— Не в свое дело нос суешь, — нахмурилась заведующий.

ТРОЕ ПОД СЛЕДСТВИЕМ

Зоя-большая ухотдила в отпуск. В кармане лежала путевка в Голландию, и беспокоила лишь погода: ковался октябрь. В самые последние дни перед отпуском. Не хватало одной тысячи рублей.

Обе Зои ни на минуту не сомневались, что тут просто какая-то путаница. Мало ли что бывает! А проверить было некогда: Жабская потеряла и свою путевку. И девушка никому не сказала о недостатке, они были уверены, что позже все разъяснится, что эта сумма будет найдена — ведь совесть у них была чиста.

Потом, уже одна, снова и снова перебирая сумки, Зоя вдруг обнаружила в кармане на тумбочку в 165 рублей, которую Сычкин поставил к себе и почему-то промолчал об этом во время ревизии.

— А-я, и я забыл совсем про нее. С кем же было бы сподобно ответить замаг.

Еще через некоторое время за ящиками нашлись товары на триста рублей. Таким образом, почти половина суммы действительно была обнаружена.

Но спокойная жизнь в магазине № 17 кончилась. У Аялты Валентиной пропали два отреза на четыре тысячи.

Унести больше и тяжелые отрезы с прилавка никто из посторонних, конечно, не мог; в магазине все время были свои, заводские покупатели, и они обязательно бы задержали вора. Но если так, что же произошло? Приблизилась предновогодняя ревизия, и Валентина знала: у нее в отделе не хватает четырех тысяч.

...Ревизию начали с отдела Жабской и Выстровой. С утра у Зои, неизвестно почему, было какое-то несложное, детское настроение. Налева себе под нос, она лаяла по полкам, а Жабская с ревансором за столом записывала товар.

Но почему жалко Валентину, вместе со всеми она проверяла за подругу и не могла понять причину исчезновения отрезов, но за свой отдел была спокойна: ведь никаких проку у них не произошло.

Вот уже почти все товар разобран. Остался один отдел. Жабская заглянула в бумаги и обиделась.

— Ой, неужели тут еще на десять тысяч?!

— Не похоже что-то.

Зоя рассмелась.

— А поминишь, как однажды чуть ли не одним булавкой на четыре тысячи набрало?!

Но перенимать последние мелочи, а ревансор хмурится. Карандаш подчеркивает цифру 43005 — эта сумма не подтверждается наличием товара.

Неправда! кричит Зоя. — Не может быть! Дайте еще считать снова!

Щелкает счеты. Снова у ревансора и у Жабской получается четыре тысячи триста. Небольшая. Или растрата...

Иван Харитонович Смирденко, секретарь партийной организации и начальник отдела

кадров ора, мрачно смотрел на сидящих перед ним людей. Он хорошо знал всех троих. За пять лет ня у Ватониной, ни у Зои, ни у Зины не было никаких недочетов, никаких неприятностей. Быстрова, правда, в орс работает еще немного, но трудно поверить, что это она... Но кто же все-таки? И что ты здесь делаешь? Ну, с Ватониной ясно: было отрезан и исцелен. Хотя, собственно, раз раз не было никаких недочетов, Зина?

— Так что же, девчата, — снова заговорил она. — Выходит, кто-то из вас?... Зоя улыбнулась, и Иван Христович рассердился: — Нечего смеяться! Растрата есть растрата. Вот вам и первая бригада комсомола! Можете, можете, кто, а? Девушки покажи плечами. На кого они могли подумать?

Потом и вместе и поодиночке разговаривали с начальником ора Литвиновым, с главным бухгалтером.

Литвинов не скучился на слова: «воры», «завели в карман к государству», «таким в торговле не место»...

А они просили лишь одного: сделать документально ревизию. Тут какая-то ошибка. Они не брали? Это было главное.

Сделать документально ревизию предложили также Свириденко, но главный бухгалтер заявил, что на это нет времени. Выхажал и Сычкин.

— Документальная ревизия ничего не даст, и делать ее не будем! — категорически заявил Литвинов.

Дело было передано в прокуратуру. Там сидел один старый работник, а тебе придется подписывать другое место, — услышала Зоя от начальника ора.

— Два дня не релалась Зоя сказать дома о том, что произошло.

— Что с тобой? — добивался отец, глядя, как она неподвижно и молча сидит, забывшись ухом в плечо.

И она рассказала.

— Вот! Говорю тебе, не связывайся с этой торговлей! Сделало ожидать таково... — У помощника прокурора города Тенищевой Зою была недочета. Ответила на несколько вопросов: о себе, о Жабской, о замке, потом написала объяснительную записку, в которой указала на чувство неудовлетворенности, что Зоя и сама не понимала отчетливо, чем она было вызвано. Да, впрочем, что тут можно скрывать? Не виноваты? Но ведь недочета налицо!

В то, что девушки виновны, в магазине никто не верил. Подруги помогли Зое достать деньги, чтобы погасить недочету, уговаривали ее не волноваться, но ничего конкретного никто предложить не мог. Некоторые делились с Зоей подозрениями, вспоминали кое-какие факты. Это было слышно из уст Зины. Зинамат ходил испуганный, почти не здоровался.

Ничего не изменило и бюро комитета комсомола ора. Настроение у всех было подавленное, говорили мало, неохотно. И секретарь Галл Бабенко и члены бюро понимали, что это растерянность и испуганная девушка, которая не соображает. Были слова о том, мол, порою старые работники жульничают, а молодежи приходится отдуваться. Бюро предложило оставить Быстрову в орс с переходом на другое место, в какой-нибудь парк.

Довели свою честность, работая одна, — сказали Зое.

Но она уже ничего не хотела слушать. На душе было тяжело и горько. «Говорил, не связывайся с торговлей!», — звучали в ушах слова отца.

И Зоя поддала заявлению об уходе.

В characterization, подписавшей Литвиновым, было сказано, что бригада, в которой работала Зоя, «имела недочету в 4 300 рублей. На долю Быстровой приходилось 2 150 рублей». Растрата была выплачена...

Через несколько месяцев по путевке горкома ВЛКСМ Зоя отправилась на строительную базу в Орле, где вела работу в отряде Артека, создаваемого молодежью на берегу Черного моря, недалеко от Туапсе. На попутном цементовозе с «Пролетария

она уехала из Новороссийска в Ново-Михайловск, не подозревая о том, какие события развернутся вскоре в магазине № 17.

«ДЕЛЬНЫЙ ЗАВМАТ»

По-прежнему каждое утро открывались двери магазина, и покупатели в промыварном отделе встречали девушки в черных халатах: за одним прилавком — Ватолгина, за другим — Жабская. Но все теперь было иначе.

Началось с того, что Сычкин доверительно сообщил Зое Жабской:

— Есть у меня основания считать, что недочета — дело рук Ватониной и Быстровой. Это они тебя нагрели, не иначе. Так что приглядывай за Ватониной!

Нет, Жабская не могла поверить в это, не хотела верить. Но червячок сомнения зашевелился: а вдруг?..

Между тем завмаг поговорил и с Ватониной.

— Сама понимаешь, отрезки исчезли у нас в отделе, — сказал она. — Сколько раз без тебя ходил в магазин, а отрезки не появлялись. Значит, кто-то воруется, а мне виднее... Поосторожнее с ней, смотри.

Изо дня в день заведующий матко, по-отечески «учил уму-разуму» то одну, то другую продавщицу, делился своими соображениями, предлагал: не доверяйся, не разлей рта, следи...

Теперь уже девушки не переставали шутовками во время работы, не помогали друг другу, если у одной из них выстраивались очереди. Была тогда та, которая приходила утром раньше, не отпирала отзад до прихода другой. На пять минут не релалась Жабская и Ватолгина покинуть друг без друга отделе! Они стыдились себя, но страх, внушенный Сычкиным, был сильнее.

И еще. В одну из отечерных ревизий у Аэлиты Ватониной снова не хватало больше четырех тысяч!

Ватолгина плакала, просила произвести выборочную проверку поступления товаров из склада в магазин и товаров из магазина в складующим в отделе, но все было бесполезно: начальник ора верил только завмагу.

Так прошел месяц. Однажды вечером уже без всякой надежды Ватолгина в четвертый раз перебрала дома отчетные документы. И вдруг из-за угла выпала небольшая пачка бумаг: корешок квитанции на четыре с лишним тысячи рублей, данных продавщицей Ватониной заведующему магазином Сычкину!..

Но что это означало? Сычкин не мог не знать об этих четырех тысячах. У него только что прошла ревизия, и они должны были оказаться в кассе. А ничего подобного не произошло... Значит, он сознательно уничтожил квитанция!

Всех заблудившаяся в магазине эта новость. И Ватолгина, и Жабская горели лавиной. Все то, что порою объявляли ошибками или на что закрывали глаза, те, накопившиеся за последние месяцы факты, о которых говорили лишь между собой, — все выплеснулось наружу.

И те, девочки, — окружалась Ван Фа Ю, — я же давно говорила: возьмемся все вместе за Сычкина, вместе можем все добить!

На тот председатель месткома ора Шиян делал вид, что не слышит.

«Мы, коллектив работников магазина № 17, — было написано там, — отказываемся от руководства завмага т. Сычкина ввиду того, что за последние время произошли случаи, после которых мы не можем больше ему доверять. И demands подписей — все до последнего человека.

— Заживо хороните?! — кинулся Сычкин к девушкам. — Ну, вот тебе что я сделал? — обратился он к Ван Фа Ю.

— Иначе, кроме того, что исправил в моем отчете 690 на 6 900... Если бы не заметила, пришлось бы платить!

— Так ведь все можно было по-порознее уладить. Просто кто-то мутит коллектив.

— Чьего? — «Чью?» — спрашивала все. — Чью? Повторяй и начальник ора и председатель месткома. Сычкин вызывал поодиночке продавщиц, уговаривал, убеждал. Так же, поодиночке, вызывали девушек Лит-

винов и Шиян. Было назначено общее собрание работников магазина; до этого Шиян собрал подробные письменные объяснения всех, подписавших коллективное заявление. Должны были присутствовать на собрании и представители горкома комсомола. Но когда они приехали в орс, Литвинов почему-то собрание неожиданно отложил. Так и не услышав товарища на горкома о делах в магазине № 7.

А услышать можно было многое.

Одна за другой говорили девушки о том, как, создав «систему доверия», выпысывая задним числом являлись, завмаг позволял выписывать матко, а после проверки Сычкину пришлось возвращать товары на эту сумму. У Ватониной, не говоря уже об уничтоженной квитанции на четыре тысячи, он выд кустом и потом беззастенчиво отказывал от этого.

Выяснилось, кроме того, что Сычкин не раз передавал товары заводу по заниженной цене: например, везе, стоившие 11 рублей 10 копеек, он считал по 16 рублей.

Но почему же все это стало обнаруживаться лишь в последнее время?

— Есть торговля такой фирмы: «естественная убуль». Из месяца в месяц Сычкин заставлял продавщиц продовольственного отдела подписывать акты о якобы спортивных продуктах и каждую ревизию квал в карман в 5 тысяч рублей. Из этих денег он выписывал рода списывания «поторел» заведующий соедением магазином № 16, которому пришлось объясняться с сотрудниками ОБХСС. И осторожный Сычкин «переклачивал»...

* * *

Зюя Быстровая нашла свое место в жизни. Вместе с другим парнями и девушками она освоилась в магазине, вела бухгалтерские дела, вечерами танцует в Доме культуры и готовится в строительный институт. За нее можно только пораздаваться.

Но если когда-нибудь у нее попросит совета девушка, надумавшая встать за прилавок магазина, Зоя ответит: «Не связывайся с торговлей». И это очень плохо.

Кто же в этом виноват? Почему стало возможным все то, что произошло в небольшом новороссийском магазине? Кто позволяет таким людям, как Сычкин, мучить души молодежи, отнимать самое дорогое, топтать лучшие умыслы?

Как это ни чудовишно, но и после всего происшедшего у Сычкина нашлись защитники. Заведующий магазином № 17 Луишис выговорил ему... «человек рукоумелый, коллективом» и сейчас по-прежнему работает в торговле, на другой должности. Литвинов по-прежнему считает его дельным и хорошим человеком. Кстати, в свое время Сычкин был переведен в магазин № 16 после крупной растраты в магазине № 16!

А документальная ревизия за время недочета в бывшей бригаде коммунистического труда так и не сделана.

Но немалая доля вины лежит также на комсомольской организации ора, не сумевшей или, вернее, не захотевшей по-настоящему разобраться во всем этом, и конечно, на самой Зое. Ведь что ни говори, а она все-таки опустила руки, сдавалась, на всю жизнь оставив в душе...

Комсомольская организация по-прежнему за прилавком магазина встали тысячи девушек и юношей, стремящихся своим трудом, своей жизнью приблизить нашу австра. И они должны бороться с ней. Но порою еще пручаются в темных углах души неслучайно чуждые нашей торговле нравы, волды законами прошлого. Из немного, таких людей, но никто не имеет права равнодушно проходить мимо их грязных дел.

Речь идет о рабочей одежде. Это данний, но, и сомнению, далеко не решенный вопрос. Людей в грязных, удобных рабочих костюмах можно встретить чаще всего на театральной сцене или на экранах кино.

Обнажены на строительной площадке мне сказали: наш лучший материал!

Из окна строящегося дома, смеясь, выглядывало симпатичное девичье лицо.

■ БОРИС ЕГОРОВ ■ НА КОГО КАРИКАТУРЫ

В адрес «Университета красоты и здоровья» пришло несколько писем. Оказалось, что авторов их интересуют один и тот же вопрос. Вопрос не новый. Но раз его задают, значит, он существует, значит, он еще во всем ясен.

Нина Петровна из Приморского края, работающая на руднике, просит разъяснить, заслужено ли некоторые товарищи называют ее стилиста? А директор Дома культуры Любим даже распорядился, чтобы художники нарисовали на Нину карикатуры. И все из-за чего? Потому что у Нины «короткая стрижка и узкая юбка».

Девушка пишет: «У нас большая семья, и я, окончив школу, сразу пошла работать... Поэтому мне очень обидно, когда меня называют стилиста».

А из города Ровеньки, Луганской области, Анатолий Куликовский сообщает, что у них читал лекцию один художник. Когда разговор зашел о модах, лектор заявил: «Не знаю, как в ком, а во мне само это слово вызывает отвращение». По ходу лекции художник ратовал за широкие

«Это те, у которых брюки узкие и прическа ежиком. Могут быть еще с усиками».

Именно так думали комсомольские работники одного из городов, когда они приняли «мужское» решение — назвать всех

Надоело ему быть постоянной мишенью, и он сбросил свои красивые волосы, расстался с любимой гитарой, купил более скромный костюм. Товарищи-студенты успокоились: мы, мол, его перевоспитали.

А как ты это?

Без не только во внешности дело. Внешность может быть и обманчивой. Главное — это внутреннее содержание человека, его мысли и устремления. Нетрудно сбросить усы и изменить прическу, гораздо труднее изменить то, что «под прической». Для этого нужна очень кропотливая воспитательная работа, которая отнюдь не сводится к насильственной установке клиньев в брюки.

Теперь о клиньях. Нужны ли они вообще? Что лучше: брюки узкие или широкие?

Человек, носящий слишком широкие брюки, — это, по моему, стилиста наоборот. Ему тоже присущ дурной вкус. Если «узкобрючник» чрезмерно подражает моде, утрируя ее, то «широкобрючник» никаких мод не признает вообще. Он считает: «Мы так заживали, так и хаживать будем! У нас натура широкая — и все ей соответствовать должно».

Короче говоря, крайности всегда плохи. А в одежде, как и в поведении вообще, основное — это чувство меры.

В прошлом году мне довелось быть в Куставае. Город, и сожаленно, очень грязный. Но, по моему, нигде не носят столь широких и столь длинных брюк, как здесь. А ведь, кажется, все требует обратного: зачем собирать грязь с тротуаров и вестись домой?

Брюки, конечно, лучше поуже, чем пошире. Это красивее. И это соответствует современной моде.

молодых людей в узких брюках. Изовать и вставить им в брюки клинья...

Я не говорю о том, сколь бестактен и груб этот «метод» воспитательной работы. Я не говорю также о том, хорошо или плохо носить узкие брюки. Об этом речь пойдет ниже.

Хочу лишь обратить внимание на необычайную жесткость, с которой ныне комсомольцы объясняют моды «стиляга».

Стиляга — это прежде всего человек, отличающийся мешанской узостью взглядов. Он видит цель своего существования в сомнительных развлеченьях, в легкой жизни. Он чужд высоким принципам нашей морали и поугайски подражает дурным западным вкусам и образцам. Это узкокобый тушедейт о большой пречен-...

Когда мы вместе с Я. Полищуком и В. Приваловым работали над сатирическим романом «Не прошедше мимо», то решили показать в нем одного стилиста — Альбертина. Собирая материал, мы столкнулись с таким случаем: учился в институте студент, был он стилиста, одевался соответственно. Но вот взгляд критики он «переоделся».

брюки и утверждал, что моды существуют только при капитализме.

О модах пишет и Юрий Кручин со станции Баская, Пермской области: «Моды до нас доходят очень поздно... длинные волосы и короткие узкие брюки — мода ли это или это только выдумки?»

Как видите, вопросы родственные.

Прежде всего о стилистах. Есть люди, которые подходят к этому явлению весьма поверхностно. Спроси их, кто такие стилисты, и они, не задумываясь, ответят:

Рисунки В. Недогонова.

Но когда мы поднялись наверх, из порога семейно-красивой комнаты нас встречали дедушка и молодой ватник, который явно был ей не по росту, с засученными рукавами, в тельняшке, негнущихся брюках.

Ища моделью самодельно вернувшись на строительный рынок, на шпатель, на цемента. Мы не сомневались в дуговой красоте этих людей, в вышедшей обили нашего со-

временника не должны соот-ветствовать его поступкам и помыслам? Где же купить удобный рабочий костюм? Много писем поступало в редакцию с таким вопросом. Строители, шоферы, трактористы жалуются на отсутствие хороших сшитых комбинезонов, допри выходят на работы «в чем поуживем»...

Вы думаете нет образцов такой одежды? Есть! В Общественном Доме модели художники старательно раз-

рабатывают их, улучшают. Комбинезоны с большой карманной, отделанные стачной, удобны и для строителей и для шоферов (снимки 3, 4, 5). Стаганы ватники, легки и вместе с тем теплы, найдут применение и в цехе, и в РТС, и на строительной площадке (снимок № 3). Не марные излучные халаты, которые можно носить поверх платья, наверное, одобряют работники многих учрежде-ний (снимок № 2).

Но тут следует сказать и о другом. К сожалению, ни-где, кроме как в демонстра-ционных залах, это столь необходимая одежда не по-является.

— В чем же дело? — спросили мы главного художественного руководителя Дома моделей А. Ф. Кулнчева.

А в том, — ответил он, — что мы работаем не на конкретном заказнике. И нам не поступают запросы на разработку таких моде-лей ни от совнархозов, ни от

министерств, ни от крупных предприятий. Видимо, руко-водители этих организаций не до конца понимают, что рабочая одежда играет не последнюю роль и в повышении производительности труда.

Как сдвинуть дело с мертвой точки? Думается, что комсомольские комите-ты могут и должны сказать в этом свое слово. Хорошая одежда нужна тысячам мо-лодых рабочих.

И. ПАВЛОВА

РИСОВАТЬ!

шенные дорожники кружевани, можно сейчас видеть в музеях.

Уровень жизни народа после Октябрьской революции вопрос в нечистосоме множестве ра-Ушла в далекое прошлое, то неприглядные одежды, которые носили простые люди.

Сейчас вся жизнь другая. Те блага, коими в прошлом пользо-валось только избранное об-щество, ныне достаются милли-онам трудящихся.

Но мы отнюдь не мечтаем, что-бы все люди одевались в платье, шитое золотом или бисером.

Дело другое. И представление о красоте другое. Сейчас в оде-жде есть, например, отпечаток «спортивности». Что это, как не дух времени? Ведь спорт несколь-ко десятилетий назад не имел такого распространения, как сей-час. И еще: появились совершенно новые материалы, которые совсем недавно были вообще не-известны.

Говорить обо всем этом можно очень много. Важно подчеркнуть: стремление красиво одеться, хорошо, по моде, современно вы-глядеть — это очень похвальное стремление. И его надо привет-ствовать. Наша советская жизнь создает для человека такие усло-вия, когда он может хорошо с каждым годом и внутренне и внешне.

А на кого же карикатуры рисо-ваться в Доме культуры, где ди-ректором товарищи Любим? Видно, на тех людей, которые не участвуют в общем сознатель-ном труде, нарушают правила социалистического объективни, а в одежде своей и поведении ходят и противоречия с обществен-ным вкусом, с общепринятыми нормами. Но здесь нужно доба-вить: если ты рисуешь карикату-ры или с лекциями высту-пашь, то и сам не отставай. Умей объяснить, что такое хоро-шо и что такое плохо.

Фото М. Ганкина.

Рассказ

Рисунки П. Пинкисевича.

рестр испанца симфино Маккина. Играла третья часть... «Поет на Луну». Дэйла, захваченный миром звуков, закрыл глаза и расслабил тело, откнувшись на спинку кресла. Как всегда, эта музыка переноса его из тепла и комфорта концертного зала в холодное пространство космоса. Воображение уносило его от планеты к планете, в бескрайние просторы вселенной. В звучах вставал перед ним мир металла и пластика, сил и невероятной быстроты. Он открыл глаза от преклонения чьей-то руки.

— Мастер Амбер! Дэйла Амбер!
— Да... Дэйла в недоумении взглянула на кассидиера.— В чем дело?
— Звонит из вашей конторы, сэр. Говорят, очень срочное дело. Восемнадцатая кабина.

Дэйла, побоявшись встать с кресла и поспешив за кассидиером в фойе, к указанным кабинам. Шелчок — и зыбко засветился экран видеоса. Еще через мгновение на нем выплыло взволнованное лицо Гансона.

— Дэйла! Снова боту, наконец-то я поймал вас. Массы интриговали. Гансон выглядел очень растерянным.— Будет лучше, если вы вернетесь.

— Может быть, вы мне все-таки объясните, в чем дело? Завтра в десять утра я должен известить сына.

— Это очень серьезно, Дэйла. Если вы хотите сохранить дело, берите самолет и возвращайтесь как можно скорее!

Дэйла выключил видеоса. Он знал, что его удерживающий бот нуждается не станет звать на помощь.

Рассвет встретил его в Комфиде.

Космические полеты внезапно стали действительностью — действительностью, озерной осветительными вспышками ракетных кораблей, часто взрывавшихся, когда они достигали Луны. Это не было изобретением для предпринимателей и не осуществляемо дальнейшим развитием космических полетов.

Все это связывалось с Комфидом, затерявшимся на огромных просторах пустыни Новой Мексико и построенным инженерами, мастерами, механиками и астрономами изумительными приборами. Комфид был белой доброй дюжины компаний, больших и малых, но одинаково ашущих запустить свои лампы в богатства, открытые на Луне.

Из Комфиды с ревом взлетали ракеты, грузившие продукты, воздухом, водой. Они устремлялись на естественный спутник Земли. На Землю они возвращались обогащенные ракетами. Ракеты ревели, когда взлетали, и ревели, когда приземлялись. Иногда они ревели громче, чем обычно, и после этого уже умолкали навсегда так же, как их экипажи...

Дэйла не думал обо всем этом, когда шел от летного поля к конторе. В приемной он застал управленческого, обгоревшего двухдвигательного, несбалансированного, с воспаленными, красными глазами.

— Мы не ждали вас раньше чем через два часа,— сказала Гансон.

— Я же сказал, что буду к рассвету.— Дэйла отпустился в кресло. Он чувствовал себя совер-

шенно разбитым. Его глаза за контактными линзами горели и слезались, словно запорошенные песком, во рту ощущалась какая-то горечь.

— Номер одиннадцатый разлетелся на сто тысяч частей при взлете, вместе с Куком и Бейансом,— коротко доложил управляющий.

— Ну и что?

— Номер двенадцатый находится в ангаре на капитальном ремонте. К взлету готов только номер тринадцатый.

— Десятый?

— Застрял на Луне. Управление вышло из строя, и экипаж не хочет двигаться с места, пока не придут запасные части. Но мы не можем доставить их без использования тринадцатого.

— Понятно. Дэйла задумчиво потер рукой подбородок.— Но это только часть затруднений.

А остальная часть?

— Остальное просто,— медленно начал Гансон.— Люди отказываются лететь на тринадцатый номер.— Он взглянул на Дэйла. Тот молчал.— Дэйла Корбалл застрял на Луне, второй ракетный аппарат, с третьим аппаратом отказываются иметь дело. А без него мы не можем снова ввести в дело десятый номер.

— И вы вызываете это неприятности?— Дэйла уставился на чашку с кофе в своих руках.— Это даже не половина их! Ведь у нас контракт!

— Потому что вас и вызвал!

— Мы берем у вас у Компании Звездных Ракетов и доставляем им все необходимое. Если мы нарушим контракт, то потеряем его совсем, и кроме того, вынуждены будем заплатить огромную сумму.

— Я знаю это.

— Вы знаете? Тогда какого черта вы сидите здесь и лишь вызываете о помощи!

— Дэйла тяжело поднялся с кресла.

— Кто пилот на тринадцатый?

— Прентис, но он...

— Где он живет?

— Там, в поселке, дом 22, но...

Дэйла, не слушая, направился к выходу. У самой двери он остановился и обернулся к Гансону:

— Если позвонит мой сын, скажите ему, что все в порядке. Понятно?

Гансон кивнул.

Комфид был порождением «бума», и это особенно чувствовалось в жилых кварталах. Ряды дешевых сборных домов, построенных различными компаниями, теснились вокруг центра поселка.

Номер 22 был одним из сотни однотипных жилищ. Дэйла с трудом пробился сквозь густой лесок к входной двери. Он думал, что застанет Прентиса еще спящим, но ошибся. На его вторичный стук дверь распахнул крупный молодой человек с нервным лицом. Из губивших дом слышалась что-то раздраженное хныканье и женский голос, успокаивающий ребенка.

— Я Амбер,— представился Дэйла.— Дэйла Амбер, ваш хозяин.

— Я знаю,— Прентис погоранился, проу-

Во имя грядущего счастья человечества советские люди штурмуя космические дали. Один из лучших наших писателей-фантастов, И. Ефремов, в своем романе «Утопность Андроидов» рассказывает о коммунистическом завете Земли, где свободный, творческий, гуманный труд направляет на изучение и освоение самых дальних уголков вселенной, чинит и мирное освоение самых дальних уголков вселенной, где человек стал полноправным хозяином Мечты, обратил ее в преграду Реальности.

И вот перед нами рассказ американского писателя Дугласа Веста — «13». Его можно назвать фантастическим. Но реально показывает завершенный реализма, его вочич законы эксплуатации, его античеловеческую суть. Предприниматели посылают людей в опаснейшие обещания безопасности полета, другим словами, на верную гибель. Несмотря на недостатки рассказа — некоторую произвольность и схематичность сюжета,— читателя ясно увидит, какова громадная пропасть лежит между устремлениями в космос двух миров — нашего, мира счастья, и мира капиталистического.

ская Дэйла.— Я видел вас и раньше. Проходите, пока сюда не намело песку.

Дэйла оказался в маленькой, убого обставленной комнате. Прентис, извинившись, вышел разбираться насчет кофе. Детский плач за стеной уткну. До Дэйла доносился громкий шепот:

— Кто это, Боб?

— Боб? —

— Амбер! — У Дэйла в удивлении за стеной перекартало дыхание.— Боб, ты обиделся.

— Успокойся, дорогой. Право, не из-за чего волноваться.

Прентис вернулся с кофе. Но не один. С ним была женщина, очень молодая, но уже сильно ушедшая. Сильно кривя под глазами подчеркивала бедность ее лица. Она взглянула на Дэйла с явной антипатией.

— Это моя жена, Мэри,— сказал Прентис.— Вам с сахаром?

— Да,— ответил Дэйла, взяв чашку кофе, помещая в нее ложечку.— Я только что прилетел с побережья. Боб, Гансон сказал мне, что произошел какие-то неприятности.

Он поднес чашку к губам. Глаза его смотрели на женщину.

— Почему вы не хотите лететь на тринадцатый?

— Она не готова к взлету, мистер Амбер, вот почему.

— Это смертельная ловушка! — неожиданно изволакала Мэри.— Они все, эти корабли, смертельные ловушки!

— Подожди, милая,— остановил ее Боб. Он повернулся к Дэйлу.— Дюэз протерли, обшивку дают утечку, приборы не в порядке. Если говорить откровенно, этот корабль следует сдать в утиль. Управление изношено. Инжекторы работают неустойчиво, давление неравново. Если запустить двигатель, произойдет преждевременная вспышка в главной камере. А вы знаете, что бывает в таких случаях?

Дэйла знал это так же, как и любой космонавт в Комфиде. Он знал лучше кого бы ни было, что происходит при преждевременной вспышке, что происходит в воздухе ракет, атомов горячего распадаются в ослепительной вспышке, как при взрыве небольшой атомной бомбы. И — никакой возможности для спасения.

Дэйла вздохнул, достал сигареты, предложил Прентису и его жене. Она отказалась. Дэйла закурил, глубоко затянулся.

— Слушайте, Боб,— начал он добродушно,— вы и в самом деле верите, что я способен предложить вам ослепить корабль?

— Кук и Бейанс мертвы,— безстрастно сказала Прентис.

— Это не ответ на вопрос. Кук и Бейанс рисковали, как и все мы. Им не повезло. Мне очень жаль, но это — невезение в игре!

— Невезение! — Мэри закусила губу, словно сдерживая себя, чтобы не наговорить лишнего.— Кук оставил жену и двоих детей! Вы возьмете на себя сказать им, что их отец умер потому, что ему не повезло?

Дэйла с трудом заставил себя заткнуть улыбку.

— Кое-кто забывает о логике, Боб. Коробаль стонт денег, массу денег. И меньше всего мне

хочете потерять корабль... Может быть, вы оуперны?

— Почему вы спросили об этом?

— Корабль носит тринадцатый номер. Хотите, мы дадим ему другой номер?

— Я не помечу на этом корабле, — ответила Прентис. — Пока на нем не заменят инжекторы. Очень сожалею, но — не раньше.

— Если это ваше последнее слово, Боб, я уже ничего не могу предложить. Позвоните по телефону в контору относительно жалованья.

Вернувшись к себе, Дэйл в изнеможении вытер лобный лоб тряпчатой носовой платком. Помещение обещало превратиться в раскаленную печь, когда погаснутое солнце нагреет все находящиеся в нем металлические предметы.

— Я выдался с Прентисом, — сказала Дэйл Полу. — Он будет звонить до получения относительно своего жалованья. Что мы должны ему?

— Ничего. Он у нас на сделанной оплате. И мы с ним полностью рассчитались за его последний помет.

— Пять дней. Но он потерял это право, так как отказался лететь на тринадцатом.

У Гансона был вид человека, обиженого одним лишь предположением, что он может зря уплатить деньги.

— Выглядите ли приказав Дэйла. — Когда он придет, скажите, что я хочу его видеть. Или лучше я сам улачу ему.

— Если вы надеетесь уговорить его, то зря. Это пустая трата времени. Прентис не одобряет.

— Союз?

— Вы угадали. Эти проклятые «экономические бродяги» выдумали какой-то союз и теперь хотят показать свою силу. Я сомневаюсь, что найдете хоть одного пилота в Комфидае, который дотронулся до корабля, пока на нем не сменили инжекторы.

Дэйл устался на солнечный бак на стене. Его лицо, казалось, снова приобрело выражение больной силы.

— Вам удалось что-нибудь сделать в других направлениях?

— Почему? Разве мы не можем предложить достаточную сумму?

— Я обращаюсь к семи компаниям. И получаю один и те же ответы. Или нет лишнего корабля, или не хотят сдать ни за какие деньги. Я не интересуюсь почему.

Но он знал, почему. Конкуренция в Комфидае была зверской, и никто не верил в христианские добродетели. Контракты представляли огромную ценность. Помочь конкуренту — значило дать наступить себе на горло. Кораблей было больше, чем грузов.

— Сколько времени требуется, чтобы сменить инжекторы на тринадцатом?

— Лучше спросить об этом Мака. — Гансон нажал кнопку и сказал в микрофон:

— Мак? Это Гансон. Зайдите в контору срочно. Здесь Дэйл, он хочет вас видеть немедленно.

Мак был инженер. Хороший инженер, и он знал об этом. Мак вошел в контору без тени смущения. В уголке его рта была сигарета. Он сел без приглашения.

— Ответ будет «нет», — сказал он.

— Оставьте это, Мак, — ответила Гансон. — Сейчас не до размышлений.

— А кто размышляет?

Мак швырнул сигарету на пол.

— Вам хочется знать, будет ли номер двенадцать готов к взлету к завтрашнему утру. Ответ — нет.

— Хорошо, — сказала Дэйл. — Тогда скажите мне, можно ли быстро сменить инжекторы на тринадцатом?

— Нет.

— Почему?

— Для смены и испытаний потребуется срок восемь часов. В двадцать четыре часа сделать невозможно. Инженерное дело можно сравнить с математикой: $2 + 2 = 4$. На смене инжектора может работать только один человек.

— Если мы не доставим груза в течение тридцати шести часов, мы потеряем контракт. — Дэйл с трудом сдерживал себя. — Завтра на расвете ракета должна взлететь.

Да, было над чем подумать голову. Дэйл обдумывая создавшееся положение за завтраком. Ему подали бекон, яйца всмятку, кофе.

Высокий, свежеекранированный рефрижераторной ракеты разорвал воздух, его словно догоняли жужжащие геликоптеры и вой реактивных самолетов. Никто не отбрылся на этот чудовищный шум ни малейшего внимания. Жители Комфидаа с большим интересом постребрали бы на обыкновенных лошадей, чем на кораблях, только что вернувшихся с Луны. Боялись, что в них видели лошадей только на фотографиях.

Дэйл взглянул на часы. Было еще рано. Компания «Транс — Луна» владела шестью действующими кораблями, конторой в отдельном здании, секретаршей в приемной и котлом на полу.

Дэйл прошел прямо к Бэйлику — владельцу. — Буду краток, — сказал он. — Я хочу зафрахтовать на один рейс корабль вместе с экипажем.

— Я знаю. — Бэйлик поднял крышку сигаретницы, выбрал сигару, покатав ее в ладонях, похлопал, обрызгал и закурил. У него было вид человека, совершенно довольного жизнью. — Ваш человек, Гансон, поднял меня утром с постели. Мой ответ остается тем же — нет.

— У вас есть на это причины?

— Конечно! — Бэйлик сложил губы трубочкой и выпустил колючий дым. — У меня нет лишнего корабля. Этого достаточно?

— Я хотел бы знать настоящие причины.

— Сколько вам стоит контракт со Звездными Рудниками, Амбер?

— Не так много, как вы думаете. Не заноситесь, Бэйлик. Я помню время, когда вы приходили молить меня о помощи. Припоминаете?

— Я помню. — Внезапно Бэйлик отбросил в сторону свое фальшивое добродушие. — Но я помню и ответ, который вы мне дали. Да, вы помогли мне, но какой ценой! Я оказался в безвыходном положении и должен был согласиться. Я не забыл этого, Амбер.

— Бизнес есть бизнес, — сказала Дэйл. — Вы делайте свои деньги, я свои. Но ведь я дал вам возможность сохранить дело! Я не милостивно прошу, Бэйлик. Я хочу заплатить полную цену за корабль. Вы еще окажетесь в подобном положении. Подождите, этот союз начнет давить и на вас.

Дэйл перегнулся через стол к собеседнику. — Взгляните на дело шире, Бэйлик. Если мы не будем держаться заодно, нас сожгут. Вы можете нанять меня всем утром, но не потеряйте голову.

— Вы кончили? — Бэйлик загасил свою сигару. — Теперь позволяйте сказать мне. Я знаю все

об этом союзе... Понитно? Из-за вас у нашего дела худая слава. Вы с вашими взрывающимися кораблями и экипажами из самоуверенности снижаете всем доходы. Это — мошеничество! Вы потеряли сашинком много кораблей и сашинком много людей. Чем быстрее вы вылетите из игры, тем лучше. А теперь убирайтесь, пока я не выбросил вас вопи!

Все было понятно и знакомо. Но он никогда не думал, что может сам оказаться в подобном положении. Он был прижат к стене.

Он позвонил в контору из автомата.

— Есть какие-нибудь новости?

— Джон звонил из Бельес Песков. Я сказал ему, что вы очень заняты. Он придет.

— Почему? — голос Амбера дрогнул. — Ему что-нибудь известно?

— Откуда? Просто он хочет видеть вас.

— Ладно. Что еще?

— Прентис звонил и будет звонить позднее. Он не изменил решения.

— Кто обычно летает с ним?

— Колманн.

— Где мне найти его?

— Он одинок и обычно проводит время в баре Дэйл космонавтов.

Дэйл повесил трубку, вышел на улицу. Мучила жара, раскаленный песок, казавшийся, окружая его со всех сторон, и он обривался, когда вошел в бар. Длинная комната с низким потолком, стойка, несколько картонных столов и автоматов. Дождал посетителя. Все — космонавты. Этот бар был как раз тем местом, которое и требовался Дэйлу.

Дэйл заказал пиво.

— Я ищу человека по имени Колманн, — обратился он к бармену. — Вы знаете его?

— Колманн! — громко крикнул бармен.

Молодой человек в нейлоновой рубашке шапшук пошел к стойке.

— Я вам нужен?

— Да. — Дэйл поднял кружку. — Хотите разделить компанию?

— Почему бы нет? — Колманн улыбнулся, блеснув ослепительно белыми зубами.

— Мне имя Амбер, — сказала Дэйл, — я ваш хозяин.

— Ну и что?

— Хотите улаушить свои дела? Стать пилотом? Жалованье — больше на пятьдесят процентов, получите собственный корабль.

— Номер тринадцатый?

— Да, начал — да.

— Очень сожалею. — Колманн покачал головой. — Это не для меня.

— Вы не можете им управлять?

— Я могу управлять кораблем, но не этим.

— Двойное жальствие! — Дайла внимательно наблюдал за молодым человеком. — Не утаскай свою утку. Колян! Если вы откажетесь, то всю жизнь останетесь оператором радара!

— Может быть, но я буду живым оператором, а не мертвым пилотом. — Колян поднял свою сумку, посмотрел сквозь нее на свет, не дотронувшись, снова поставил на стол.

Когда Дайла вернулся в кофтору, его ожидал сюрприз. Присев на утокос стол, изрядный мидас он реласов в сервис с сербером форме слушая музыку. Заводя Дайла, он соскочила со стола.

— Удивлен, папа?

— Джон! — В вогласе Дайла чувствовалась и гордость и сожаление. Гордость — что сын так похож на его молодого, сожаление — что сам он реласов в сервисе. И тут же он вопросятельно взглянул на Гансона. Управляющий почкача голсовой. Сын ничего не знал о неприятности.

— Я только что прибыл с ракетой, папа, — сказала Джон. — Не терпелось поделиться новостями.

— Только Дайла приметла серебряную ракету на плече сына.

— Ого! Пилот первого класса, это здорово! Дайла улыбнулся и обнял Джона за плечи. Сдвинув брови, когда вспомнил о покойной жене. Если бы она могла сейчас видеть Джона! Она не любила космос. Самым гордым ее часом был тот, когда Дайла добился, чтобы Джона приняли в Академию Космоса. Дайла был удивлен и не вызвал сына, даже когда его мать умирала.

Гансон деликатно кашлянул:

— Прентис достался вот-вот будет.

— Прентис? Ах, да!

Дайла улыбнулся сыну.

— Извини, Джон, но, сам понимаешь, дела. Пойди погуляй часок по городу, потом мы встретимся. Ладно?

Джон кивнул. Дайла еще раз потрепал сына по плечу и ушел в верхний карман его френча несколько кунур.

— Славный мальчик, — сказала Гансон, когда за Джоном захлопнулся дверь. — Вы можете им гордиться.

— Я и горжусь, — просто ответил Дайла, и это было правдой.

— Пилот первого класса! — продолжала Гансон. — Это очень здорово, не так ли?

— Лучшее, что может быть, — ответила Дайла. — Он имеет право управлять кораблями любого типа, а после стажировки станет командиром государственного звенялка. Может быть, первым достигнет Меркурия!

— Может быть, — Гансон не возражал. — Во всяком случае, в одном можно быть уверенным: в Комфиде он всегда найдет работу!

— Нет! — Страх, который вырвал этот возглас, увидива даже самого Дайла. Он заставил себя улыбнуться. — Нет, это не для Джона. Он счастливый мальчик высшего квалификация и пойдет по этому пути. Он будет водить государственные корабля, а не эти кастрилы.

Дайла знал, что говорит. Частные коммерческие корабль строились с расчетом на максимум дохода и минимум безопасности. Вес полезного груза реласов все, за счет его увеличения снижалась надежность ракеты.

Корабль Комфидала в сравнении с государственными были тем же, чем первые авиалайнеры-этажерки рядом с реактивными самолетами.

Прентис первичная. Дайла угадывал это по тому, как он держался, по выражению лица и по многим другим мелочам.

Он указал на кресло:

— Садитесь, Боб.

— Я не хочу вас задерживать, — сказала молодой человек, — но раз вы позвали, я пришел.

Дайла поборился перо и ловко поймал его. — Я не хочу быть назойливым, Боб, но как у вас с финансами?

— Не очень хорошо, мистер Амбер... Дайла... Жизнь в Комфиде очень дора, особенно с ребенком...

— Я знаю. А у вас кто, мальчик или де-

вонок?

— Мальчик.

— Вы сысталим. У меня тоже сын. Этот маленький чертенок причина мне массу забот, но он стоит того. Мать была бы сысталим, увидев его сейчас, Боб. Жалко, что ее нет в живых...

— Я очень сожалею...

— Это ждет вас нас, — продолжила Дайла. — Но есан есть дело, надо выполнить долг по отношению к ним. Мы обязаны дать им все лучшее, что можно. — Он засмеялся. — Но вы, Боб, сами отец и знаете эти истины и без меня. Выши непременно должны поехать в горы. — Дайла перестал играть пером.

— Так сколько мы должны вам, Боб? За пять дней простоя?

— Да, но...

— Вы думаете, что потеряли право на эти деньги, отказавшись лететь на тридцатидто?

— Да.

— Слушайте, Боб, что приехал вас в Комфид?

— Обычная причина. Мне надоело летать на реактивных самолетах, хотелось подняться на следуюющую ступеньку.

— Да, Боб, я понимаю — Дайла говорил очень искренно. И завидую вам. Я бы отдал душу, чтобы полетать самому, но первые же две минуты убьют меня. Я завидую вам, Боб, и думаю, что вы дурак...

— Потому что я хочу остаться в живых?

— Живя, полна риска, Боб.

Дайла замолчал, вынул сигарету, размял ее, закурил.

— Впрочем, забудьте о риске, Боб. Я не об этом собрался говорить с вами. Двигатель на тридцатидто в таком порядке, как только может быть. Но забудьте об этом. Я хотел говорить о союзе.

— В союзе нет ничего плохого, — ответила Боб, — это наша естественная заштра.

— Защита! Но от кого? От смерти? Она сама придет в свой срок, не раньше. Жальовые? Вы за один полет получаете больше, чем обычный пилот зарабатывает за шесть месяцев.

Против валадедато? Неужели вы не понимаете, что этого вовсе не требуется?

Дайла бросил окурок в пепельницу.

— Это все, о чем вы хотели говорить со мной? — спросил Прентис.

— Нет.

Дайла достал чековую книжку, вырвал из нее листок, подписал и протянул молодому человеку. Прентис взял чек, взглянул на него, потом на Дайла.

— Здесь ошибка, мистер Амбер... Дайла. За два последние полета мне уже заплатили.

— Берите. И отправьте жену с ребенком в горы или на побережье.

— Я не могу!

Прентис медленно положил чек на стол.

— Берите! Ведь я ничего не требую от вас. Пусть это будет мой подарок ко дню рождения вашего мальчика.

Прентис медленно покачал головой. Его губы пересыхали, глаза не отрывались от чека на столе.

— Дайла, может Мак что-нибудь сделать с двигателем до темпото?

— Я не знаю, что да. А что?

— Дайла, как мне быть...

Прентис закурил губу.

— Черт с ним! Нальмайте двигатель, только как можно лучше, и я попробую!

Гансон ворвался в кофтору, не сдерживая радости.

— Я знал, что вы добьетесь своего, Дайла! — воскликнул он. — Это взорвет сою! Мак уже работает на корабле.

Но Дайла даже не чувствовал удовлетворения. Он саником устал от всего. Голод Джона валил его за шиворот.

— Ты собой, папа? Мне хотелось бы поговорить с тобой.

— Тебя что-то тяготит, сынок? — спросил Дайла.

— Да, папа.

— Дайла говорил с кем-нибудь в городе?

— Да. — Джон выглядел очень несчастным. — С человеком, которого зовут Колян, и дру-

гим, по имени Янг. Они плохо отозвались о тебе.

— И ты хочешь знать, почему? У меня Дед, Джон. А есан у тебя есть дед, то есть и брати. Я их настолько ненавижу. Пусть это тебя не волнует.

— Я не о том, папа. — Джон по-прежнему оставался мрачным. — Это гораздо серьезнее. Они ненавидят тебя. Они говорят вещи, в которых я не могу поверить.

— Например?

— Кук и Вейнас погибли на твоем корабле, и они не единственные. Ты посылаешь людей на корабли, которые ни к черту не годятся. Ты обманываешь их, тебе нельзя доверять!

Дайла был в замешательстве.

— Ты молод, Джон, и во многих вопросах идеалист. Запомни: неудачник всегда ненавидит тех, кто добился успеха. Я думал об этом всю жизнь, Джон, и я знаю эту цену. Пилоту я должен пережить из-за того, что мне завидуют и ненавидят меня! Я выделел козла, рублей, я посылаю их в космос. Мы везудеи, Джон, а для этого нужно мужество.

Дайла взглянул на сына. Тот сидел, опустив голову.

— Я никогда не агла тебе, сынок, и не собираюсь. Конечно, ваш корабль сделаны грубо, и пилоты иногда гибнут на них, но они сами идут на этот риск, и, кроме того, им за это хорошо платят.

— Я знаю, — тихо ответила Джон, — но что с номером тридцатидто?

— Могу ответить. Просто пилот был недоволен. Но на рассвете он летит. Ты удовлетворен?

Джон задумчиво покачал головой.

— Не знаю... Это правда?

— Я не аглу тебе, Джон. — Голоз Дайла звучала совершенно спокойно. — Я не принуждала его лететь. Пойдем, проводи меня.

В контроле ждал Мак. Дайла похлопал сына по плечу:

— Иди, отдохни. У меня еще есть дела.

Джон опустился в кресло в углу комнаты.

— Как у вас? — тихо, чтобы не слышала сын, спросила Дайла.

— Плохо, — ответила поушечотом Мак. Замененными пальцами он вытирает из кармана комбинация сигарету и закурил. — Я сделала все, что только могла, чтобы сделать с этим проклятым двигателем.

— Она поднимется?

— Да, поднимется. Но как высоко — это вопрос.

— До Луны она доберется?

— Может быть. — Инженер глубоко затнгула нос. — Это не мое дело, Дайла, но машина ненадежна, а у Прентиса жена и ребенок.

— Прентис согласился добровольно!

— Дайла, делайте оба как знаете, — Инженер выбросила окурок. — Прентис сейчас явится вместе с Гансоном, имив еще люди. Им то же придет — он организатор союза.

— Идент! Почему вы не предприняли мен?

Дайла схватился за голову. Джон сейчас встретится с ними и насильнится черт знает чего! Он с трудом перевел дыхание.

Дайла знал, как следует держать себя с Прентисом и Янгтом. Но с ними была Мэри.

— Я возвращаю это, — сказала она, кладя чек на стол. — Муж мне дороже, чем путешествие в горы, мистер Амбер. Он не полетит на этой ракете.

— Ваш муж — космический пилот, миссис Прентис, — сказала он мягко, — это его работа.

— Не в этом дело, — вмешался Янг, — этот корабль опасен.

— Он не полетит! — Мэри так стиснула пальцы, что они побелели.

Дайла взял чек со стола и елаожа в ее ладошки.

— Возьмите, — сказала он. Пусть повернутся к Прентису. — Делано вам такое предложение. Вы ведете корабль на Луну, а я делано вас главным пилотом с участием в доходах и регуляризм жальованим.

— Спасибо — горько — сказала Мэри рылаше, чем Прентис открыл рот для ответа. — Все, что вы можете предложить: слова и деньги.

Она посмотрела на чек и медленно выпустила его из рук.

— Мне не нужны деньги, мне нужен муж. Я не хочу смотреть в небо и думать, вернется ли он назад. Хочу, чтобы он был с вами, когда вырастет ребенок, а не горстью песка где-то между Землей и Луной.

— Он не собирается умирать, — привирающе сказал Дэйв. — Этот корабль безопасен.

— Я вам не верю! То же самое вы говорили Куку и Бейлансу, а что с ними стало? А что стало с другим, кто не вернулся обратно? С Куртисом и Уилсоном, Юнтоном и Хендерсоном, Муррером и Феньяком?

Это было поражение. Дэйв понял, что дело обстоит именно так.

— Я вижу, — Дэйв угроюще посмотрел на Янга, — вы-то довольны. Вы... Я не высококого мнения о людях, которые используют женщин для достижения своих целей.

— Мы лишь заботимся о Прентиссе, — спокойно ответил Янг. — Вы сами виноваты, Амбер. — Этот корабль безопасен!

Дэйв впервые посмотрел на Джона. Тот стоял бледный, словно в страсти, уставившись взглядом в стену. Рядом судорожно перебирала носовой платок Гамсон.

— Я думаю, что вы ждете, Амбер, — медленно сказал Янг. — Вы в прорыве и готовы на что угодно, лишь бы вырваться из него. Я не верю, чтобы тринадцатая была безопасна, и могу доказать это.

— Это невозможно! — Дэйв с испугом чувствовал, что его сын не пропускает ни одного слова. — Он безопасен, даю слово!

— Хорошо! — Янг улыбнулся. — Если этот корабль так безопасен, как вы утверждаете, то перед вами нет никакой проблемы. У вас есть планет прямо под руками.

— Кто? — Дэйв был взумлен. Гамсон кашлянул, но никто не обратил на него внимания.

— Он! — Янг указал пальцем на Джона. — Ваш сын!

— Нет! — Дэйв закусил губу. — Почему нет? Он может это сделать. Мы уже говорили с ним. У него достаточно времени, чтобы слезать туда и обратно, пока кончится срок отпуска. И незачем беспокоиться, если корабль в порядке, как вы утверждаете.

Этот день был самым длинным в жизни Дэйва. Он сидел не шевелясь. Весь пол вокруг него была замусорен недокуренными сигаретами. Его воспаленные, покрасневшие глаза не отрывались от зеленого экрана радара.

В сотый раз Дэйв задавал себе вопрос, как все это могло случиться. Перед ним была дилемма: или позвонить Джону лететь, или признаться, что корабль небезопасен, а он хотел сыграть, сделав ставку жизни другого человека. Мальчик сам настаивал, чтобы ему разрешали лететь на этом корабле.

Он гордый и честный, Джон Амбер, его сын. Единственный сын.

За спиной Дэйва взад и вперед раскачивалась Гамсон. Врежь от времени он тоже бросал взгляд на экран радара.

Все, что им теперь оставалось, — ждать. — Ему удастся... — неуверенно сказал Гамсон.

Дэйв не ответил. — Не волнуйтесь, Дэйв. Он долетит. А назад вернется с попутным кораблем любой линии. И не будет больше хлопот с этим союзом и мы...

— Заткнитесь! — На экране вспыхнуло и расплылось яркое, зеленое пятно, окруженное светлым нимбом. У них на глазах оно заполнило весь экран и исчезло. И незачем было объяснять, что произошло.

Это была коварная Гамсона уже не было в комнате. Дэйв сидел один, туго уставившись в погасший экран. Его сын умер. Дело тоже умерло.

Сквозь пелену опененения незаметно стали проникать звуки радио. Оркестр исполнял симфонию Маккаллина. Третья часть — «Полет на Луну».

Сокращенный перевод с английского
Т. ГЛАДКОВА.

скрыть своих симпатий к «Быкам». Драка была жестокой и всеобщей, дрались все, даже самые юные и преданные сеньориты, потому что солнце палило жарко и прокатный вирус бушевал в крови у людей.

Победная сторонники «Быков». А среди них — это все заметная — особенно отличился в драке какой-то пожилой господин с черной бородой и бравыми усами, одетый в обычную безую спортивную рубашку и брюки. Когда поле было осклабено очевидно от «Тигров» и их болельщиков, кто-то из нас... то есть, я

хотел сказать, кто-то из болевших за «Быков», вспомнил про старого судью и, смеясь, громко сказал, что легендарный старик сегодня хорошо судил и очень жаль, что он, как обычно, растаял в воздухе и не видит нашего триумфа! И тогда пожилой господин в белом сорвал со своего лица черную бороду и бравые усы и со слезами на глазах воскликнул: «Дети мои, я с вами!»

Так все узнали тайну старого судьи и секрет его долголетия. Он никогда не выходил на поле в трусах и майке, а носил обычные белые брюки на шпору и спортивную рубашку. В кармане у него лежали напояное борода и усы разного цвета и покроя. Искусством мгновенной гризирювки он владел блестяще. Вот, собственно, и все, сеньоры!

— Но вы, мистер Оливейро, сказали, что этот матч был для судьи роковым, — сказал Вася Коломиев.

Диего Оливейро грустно вздохнул.

— Да, сеньоры, матч оказался роковым. Но всему виной вирус. Это была его последняя вспышка в тот ужасный день! Когда судья открыл свою тайну нас... то есть, я хотел сказать, болельщикам нас «Быков», охватила такой необудивший восторг, такой энтузиазм, такая веселая ярость, что мы... то есть они, болельщики, кинулись качать судью. Ну и... подкинули его слишком высоко в воздух! А подкинув, испугались, что он шпелнется им на голову, и разбежались в разные стороны. И он провалился, бодяжка, с порывовой высоты на ровное футбольное поле. И его замертво утиски в раздавкали! — На глазах у Диего Оливейро выступили крупные слезы. Он вытер их белоснежным носовым платком и прибавил: — Вы живете на севере. У вас совсем другое солнце, сеньоры. И вирус, наверное, не такой злодейский, как у нас. Не правда ли, сеньоры!

Мы переглянулись и, поднявшись из-за стола, стали прощаться с нашим разговорчивым собеседником.

Р. КИРЕЕВ

КОТ НА ПЬЕДЕСТАЛЕ

Кот как-то сцапал двух мышей. И это сразу не отметила газета. В заметке «Пара настороженных ушей» Отметила...

И с этого момента Коту поюны не дают корреспонденты. Прошло немалого времени,

и вот Прославлен Кот. Не виден еще такого роста: Его портрет в журнале «Мышеловство», Он часто выступает на собраниях. Ему суют под лапы пьедестал. Делами заниматься перестав. Утратил Кот и слух и обоняние. Его ж по-прежнему берут за образец И с каждым часом поднимают выше...

У басенни трагический конец: Ее героя съели мыши!

ПЕРЕДАЧА МЫСЛИ НА РАСТОЯНИИ

Рисунок В. Прокуророва

Рисунок В. Дрогазина

ЗАГРАЛИСЬ...

Рисунок В. Арсеньева и В. Лозовского

Р. МАГУЛА

МАЯТНИК И ГИРЯ

— Чтого ты тут висишь степенно так — и важно! — На Гирю Маятник набросился однажды! — То ты вверх торчишь, то вниз спускаешься.

Ну, право, ты другим ничем не занимаешься, Как только на цепи болтаешься. Тогда как дни и ночи напролет Я время дингаю вперед! Тут Гиря вдуло: с цепи сорвалась, И цепь без грузила осталась. Рванулся Маятник туда. Качнулся Маятник сюда. Прыжком, скачком, Толчок — молчок!

Кто труд других не хочет уважать, Тому и этой басни не понять!

ИДУТ ЭКЗАМЕНЫ

— Расскажите о Столетней войне.

— Столетняя война длилась больше ста лет: в 1337, 1338, 1339, 1340, 1341, 1342, 1343...

— Одну минуту. Это, конечно, правильно. Ну, а дальше? — Дальше... в 1344, 1345, 1346, 1347...

Е. КОСАЮВ

— ЧЕМ Я ВИНОВАТА? ПРИВЯЗАЛСЯ КО МНЕ И ХОДИТ!

Рисунок В. Дрогазина

И. МЕЕРКОН

Вещи о себе

Гнилушка

— Хотя говорить о себе неприятно. Скажу, что в потемках я светлая личность!

Карандаш

Категорично заявляет: — Меня работа притупляет!

Урна

— Бывает, и Урна терпит терпение От наплевательского отношения.

Третий тур: РЕШЕНИЕ ЭТЮДОВ

ШАХМАТНАЯ ОЛИМПИАДА «СМЕНИ»

Очередным традиционным «задачей» участников нашей Олимпиады будет решение десяти шахматных этюдов, публикуемых в этом номере журнала. В зависимости от степени трудности той или иной композиции за правильное решение засчитывается от 1 до 4 баллов. Основной вариант решения следует давать в полной шахматной нотации, а побочные варианты — в сокращенной нотации.

Ответы на третий тур Олимпиады нужно посылать в редакцию «Смени» не позднее 10 апреля 1961 года.

Тем читателям нашего журнала, которые будут впервые соревноваться в решении этюдов, полезно знать следующие:

1. Этюд — это такая композиция на шахматной доске, в которой одна из сторон (обычно белые) в соответствии с условием добивается ясно выигрышного или ничейного положения.

2. Задание (найти выигрыш или ничью) должно быть выполнено при любом, даже самом изобретательном противодействии защищающейся стороны (обычно черные).

3. Решение этюда достигается единственным способом, но в отличие от решения задачи количество ходов здесь в условии не определяется.

4. Построение фигур в этюде, как и в задаче, предельно экономично: каждая фигура или пешка, белая или черная, находящаяся на доске в исходной позиции, играет определенную роль.

Для того, чтобы решить этюд, нужно действовать по обычным правилам шахматного анализа: сперва взвесить материально и позиционно соотношение сил, затем расширить замаскированные возможности обеих сторон, после чего наметить и разбирать конкретные пути достижения цели.

Этюды

№ 1

Белые начинают и выигрывают (1 балл).

№ 2

БЕЛЫЕ — Край, Краб, пп. бб, сб, d4, d6, e3, h3 (8 фигур).

ЧЕРНЫЕ — Краб, Фh8, пп. b7, e5, e4, g5, g7, h4 (8 фигур).

Ход белых. Как должна закончиться борьба при лучшей игре обеих сторон в этой этюдной позиции (4 балла)?

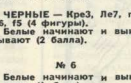
№ 3

БЕЛЫЕ — Кра1, Сg7, Кс3 (3 фигуры).
ЧЕРНЫЕ — Кра1, пп. а2, е3 (3 фигуры).
Белые начинают и выигрывают (1 балл).

№ 4

Белые начинают и выигрывают (1 балл).

№ 5

БЕЛЫЕ — Кра3, Лh8, пп. с3, h7 (4 фигуры).

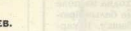
ЧЕРНЫЕ — Кра3, Ле7, пп. б6, f5 (4 фигуры).

Белые начинают и выигрывают (2 балла).

№ 6

Белые начинают и выигрывают (1 балл).

№ 7

БЕЛЫЕ — Кра3, Лh3, Сh6, Кс3, Кг7 (5 фигур).
ЧЕРНЫЕ — Кра1, Кh1, пп. f7, e2, h6 (5 фигур).
Белые начинают и выигрывают (2 балла).

№ 8

Белые начинают и выигрывают (2 балла).

№ 9

БЕЛЫЕ — Кра3, Лb6, Сb1, пп. а4, с2, е4, г4, h3 (8 фигур).

ЧЕРНЫЕ — Кра5, Фh7, пп. е5, с3, е4, g5, g7, h4 (8 фигур).

Белые начинают и делают ничью (2 балла).

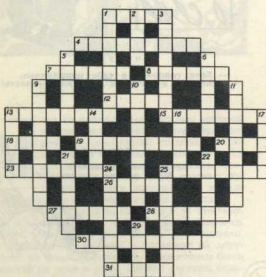

№ 10

Белые начинают и делают ничью (3 балла).

КРОССВОРД

По горизонтали:

- Народный поэт Белоруссии.
- Радиоактивный минерал.
- Марка радиопередачником, установленных на кораблях-спутниках.
- Крупное литературное произведение, изображающее жизнь народа.
- Город на Куре, велики которого соорудил Мингачурский гидроузел.
- Единица измерения частот колебаний.
- Ученое звание.
- Провид Валтийского моря.
- Гибрид фруктового дерева, выведенный И. В. Мичуринским.
- Строительное изделие М. Ю. Лермонтова.
- Вещество, защищающее изделия от порчи.
- Крупное иррауочительное изобретение.
- Центр золотопромышленного района Якутии.
- Один из двух паркоходов.
- Гибрид произрастающий по своим путем из Владивостока на Амурском.
- Конно-спортивные состязания.
- Действующее лицо романа М. А. Шолохова «Поднятая целина».

31. Плотная ткань, изготовляемая в Китае.

По вертикали:

- Представитель народного искусства горного области СССР.
- Венецуйский поэт, член Всемирного Совета Мира.
- Писатель А. В. Софоровна.
- Приток Северной Двины.
- Писец композиции К. Сен-Санса из «Карнавала животных».
- Транспортное средство для перевозки грузов по узкоколеиной железной дороге.
- Вещество, применяемое в спортивном соревновании.
- Лекарственный препарат.
- Восточная элементная часть.
- Порт на Адриатическом море.
- Инструмент для вытравки изделий.
- Охотничья собака.
- Часть света.
- Русский историк.
- Крупный улан.
- Плодовый кустарник, используемый для защитных насаждений.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 2

- ### По горизонтали:
- Цвейг 3. Могар 5. Саган 7. Тобол 8. Рабат 10. Пилот 12. Лада 14. Судан 15. Валуя 16. Сорос 18. «Набег» 20. Кубок 22. Пшца 24. Вачей 25. Хаван 26. Юрии 27. Зинин 29. Казал 31. Мечта 33. Терем 34. Селен 35. Торчи 36. Арена 37. Пшцин 39. Каток 41. Одеон 42. Радии 43. Муром 44. Озис 46. Назобор 47. Лайка 48. Табачок.

- ### По вертикали:
- Пузат 2. Гурд 3. «Манна» 4. Рошин 5. Сомов 6. Невда 8. Рибен 9. Тунай 10. Палех 11. Таули 12. Луточ 13. Нишин 16. «Салют» 17. «Валин» 18. Верис 19. Галдан 20. Карат 21. «Конек» 22. Пшца 23. Асама 27. Зерно 28. Нежин 29. Кебрич 30. Лоран 31. Мегом 32. Артем 37. Пшци 38. Каллар 39. Кизилд 40. «Кушча» 44. Обмет 45. Самбо.

ПИШИТЕ НАМ ПО АДРЕСУ:

Москва, Б-66, Спартановская, 2-а.

ЗВОНИТЕ ПО ТЕЛЕФОНУ:

Коммутатор Е 1-70-20.

Для справок — доб. 3-42; отделы: литературы и искусства — доб. 2-15; открытия и публикации — доб. 3-52; международной жизни — доб. 3-21; филологии и спорта — доб. 3-44; информации — доб. 2-39; писем — доб. 3-45; науки и техники — Е 7-65-82; сатиры и юмора — Е 7-65-82; оформления — Е 7-51-22.

Главный редактор А. В. Никонов.

Редколлегия: Ю. Н. Верченко, Е. А. Долматовский, С. В. Егоров [ответственный секретарь], В. А. Кочетов, В. П. Разуминский [заместитель главного редактора], Е. И. Рабчинов, А. А. Сосин, С. С. Спасский, Б. М. Степанов.

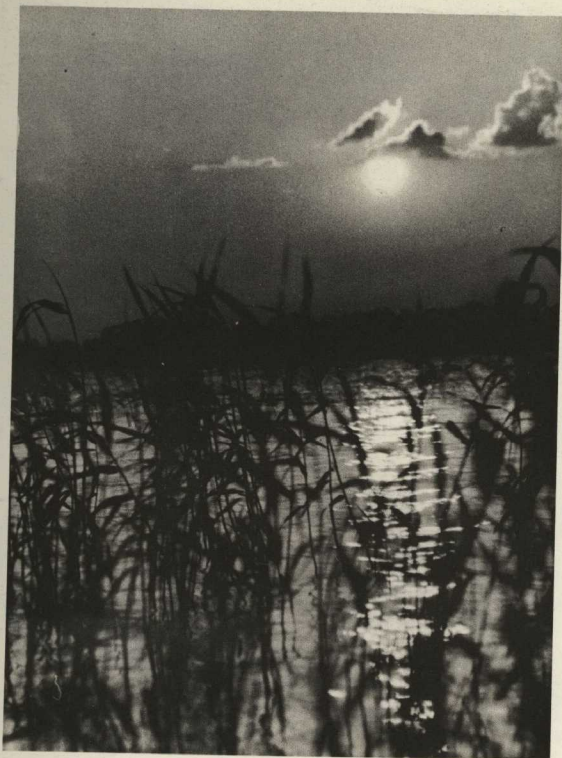
Оформление В. Недогонова.

Технический редактор Н. Вудкина.

А 01227 Подписано к печати 9/II 1961 г.
Тираж 800 000 экз. Изд. № 302.
Цена № 59. Формат бумаги 70x108/8.
2,25 б. л.—6,17 п. л.

Ордена Ленина типография газеты «Правда» имени И. В. Сталина. Москва, ул. «Правды», 24.

Рукописи не возвращаются.

С О В Е Т
Юрия Каменешкого
Музыка
Кирилла Акимова

Днестра

В волны синего Днестра
Бросил золото занат,
На привале у костра
Под баян запел солдат.

ПРИПЕВ:

Где ты, где ты, русая коса?
Где ж вы, где ж вы,
дорогие мне глаза?
И в походах и во сне
Часто видите вы мне.

Про усталость позабыл,
У огня собрался явдод,
Под баянный перебор
Петь о той, что верно ждет.

ПРИПЕВ:

Цвет косы и милых глаз
Мовет быть совсем другой...
Только каждый в этот час
Пел о самой дорогой.

ПРИПЕВ:

Где ты, где ты, русая коса?
Где ж вы, где ж вы,
дорогие мне глаза?
И в походах и во сне
Часто видите вы мне.

Мелко, музыкально

Музыкальная партитура для фортепиано. Включает ноты для правой и левой руки, а также вокальные партии с русскими текстами. Музыкальные обозначения включают *pp* (pianissimo) и *rit.* (ritardando).

Волны синего Днестра
Бросил зо-ло-то за-нат. На прива-ле у ко-стра вид ба-ен за-пел сол-дат.

Где ты-де, где ты-де, ру-сая ко-са? И в по-хо-дах и во сне час-то ви-ди-те вы мне.

Про ус-та-лость по-за-был, У ог-ня со-бра-лся яв-дод. Под ба-ян-ный пе-ре-бор петь о той, что ве-рно ж-дет.

Цвет ко-сы и ми-лых гла-з Мо-вет бы-ть со-всем дру-гой... То-лько ка-ждый в э-тот час Пел о са-мой до-ро-гой.

Где ты, где ты, ру-сая ко-са? Где ж вы, где ж вы, до-ро-гие мне гла-за? И в по-хо-дах и во сне Час-то ви-ди-те вы мне.

